

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОНГОЛОВЕДНЫЕ ЧТЕНИЯ»

научная конференция

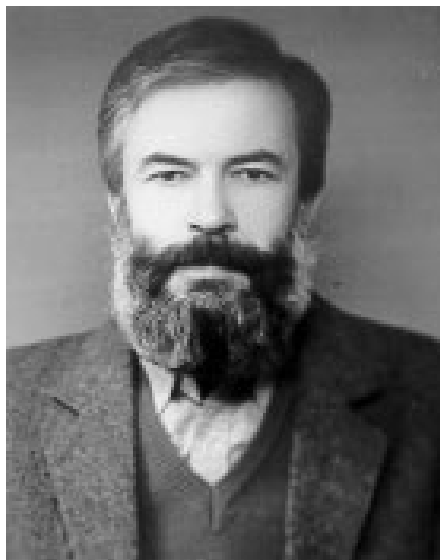
памяти

Алексея Георгиевича САЗЫКИНА
(1943–2005)

10 октября 2016
г. Санкт-Петербург

ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ

Санкт-Петербург
2016

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts

Research conference
ST. PETERSBURG SEMINAR ON MONGOLIAN STUDIES
October 10, 2016
St. Petersburg, Russia

PROGRAMME
ABSTRACTS

Оргкомитет конференции

Председатель Оргкомитета:

доктор исторических наук, директор ИБР РАН

И.Ф. Попова

Сопредседатели Оргкомитета:

доктор филологических наук, академик МАН,

директор ИЯиЛ МАН

Л. Болд

доктор филологических наук

И.В. Кульганек

доктор исторических наук, директор ИИ МАН

С. Чулуун

Секретарь Оргкомитета:

А.А. Туранская

Члены оргкомитета:

доктор исторических наук

Т.Д. Скрынникова

кандидат филологических наук

Н.С. Яхонтова

кандидат филологических наук

Б. Тувшинтогс

кандидат филологических наук

Д.А. Носов

PhD

Н.В. Ямпольская

РАСПИСАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Открытие конференции состоится в «Лotosовой сутре» ИВР РАН

Заседания будут проходить в «Лotosовой сутре» ИВР РАН

Санкт-Петербург, Новомихайловский дворец (Дворцовая наб., д. 18)

10 октября, понедельник

10.00–12.00 – Открытие конференции. Утреннее заседание

12.00–12.20 – Кофе-брейк

12.20–14.00 – Продолжение утреннего заседания

14.00–15.00 – Перерыв на обед

15.00–16.45 – Дневное заседание

16.45–17.15 – Кофе-брейк

17.15–18.30 – Продолжение дневного заседания

Продолжительность доклада с обсуждением – 15 мин.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

10 октября, понедельник

10.00-12.00 – Открытие конференции. Утреннее заседание (Лотосовая сутра)

Председатель: Н.С. Яхонтова

Приветствие в адрес конференции – директор ИВР РАН И.Ф. Попова

<i>Алексеев К.В.</i>	О соотношении списков монгольского Ганджура
<i>Ямпольская Н.В.</i>	К вопросу о тибетских источниках монгольского ксилографического Ганджура (на примере сутры Аштасахасрика Праджняпарамита)
<i>Зорин А.В.</i>	Об одной из связок тибетоязычных калмыцких рукописей XVIII в. в собрании ИВР РАН
<i>Меняев Б.В.</i>	Ойратские ксилографы, хранящиеся в частных коллекциях Синьцзяна КНР
<i>Яхонтова Н. С.</i>	Имена собственные и «именования» в ойратском переводе «Сутры золотого блеска»
<i>Носов Д.А., Почекаев Р.Ю.</i>	К вопросу об атрибуции фрагмента Q 3356 из монгольской коллекции ИВР РАН

12.00-12.20 – Кофе-брейк

12.20-14.00 – Продолжение утреннего заседания (Лотосовая сутра)

<i>Уртнасан Д.</i>	Монгол хэлний гурав, дөрвөн үет үгийн балархай эгшиг
<i>Сизова А.А.</i>	«Абхидхармакоша-карика» Васубандху на монгольском языке: терминология перевода
<i>Туранская А.А.</i>	Специфика монгольского перевода стихотворных фрагментов «Ста тысяч песнопений» Миларэпы
<i>Кантор Е.А.</i>	К изучению структуры монгольского перевода «Мани-кабума», выполненного Гуши цорджи
<i>Зайцев В.П.</i>	Подделки памятников киданьской письменности и сопутствующие проблемы киданеведения
<i>Пан Т.А.</i>	Маньчжуро-монгольская грамота из коллекции ИВР РАН

15.00-16.45 – Дневное заседание (Лотосовая сутра)

Председатель: И.В. Кульганек

<i>Бойкова Е.В.</i>	Монголия в публикациях Штаба Заамурского военного округа (начало XX века)
<i>Валеев Р. М., Валеева Р.З., Минибаева Л.С.</i>	Эпистолярное наследие О. М. Ковалевского: Итоги и перспективы изучения
<i>Мандрик М.В., Захарова И.М.</i>	Завершающий этап работы российского советника Монгольского правительства (конец 1916 – 1917 гг.)
<i>Кульганек И.В., Носов Д.А.</i>	Мэргэн-гун Гомбоджаб – князь, ученый, переводчик
<i>Дугаров Б.С.</i>	Култ Гэсэра: взаимосвязь с эпосом и буддийские влияния
<i>Петрова М.П.</i>	Проблемы современного монгольского социума в романе Г.Аюурзаны «Пульсация»

16.45-17.15 – Кофе-брейк

17.15-18.30 – Продолжение дневного заседания (Лотосовая сутра)

<i>Попов А.В.</i>	Административное устройство приграничных территорий России и империи Цин в Забайкалье и северной Монголии в XVIII-сердине XIX в. (опыт сравнительного анализа)
<i>Скрынникова Т.Д., Селюнина Д.Д.</i>	Концепт <i>сии</i> в политической культуре монголов XVII в.
<i>Мунхцэцэг Э.</i>	«Хорин нэгт тайлбар толь» -ийн нэгэн зүйл гар бичмэлийн тухай
<i>Мирзаева С.В.</i>	О форманте родительного падежа –i в старописьменном монгольском языке (на материале «Истории о царевиче Манибадре»)

Заккрытие конференции (подведение итогов, принятие резолюции)

Тезисы

Abstracts

Алексеев К.В.

О соотношении списков монгольского Ганджура

Самое раннее рукописное издание монгольского Ганджура, дошедшее до наших дней, относится ко времени правления Лигдэн-хана Чахарского (1604–1634). Монгольские источники сообщают о том, что по окончании переводческих и редакционных работ в 1629 г. сборник был написан золотом на синей бумаге и в дальнейшем получил название «Золотого Ганджура».

Двадцать томов монгольского Ганджура, написанных золотыми чернилами на темно-синей бумаге, хранятся в библиотеке Академии общественных наук Внутренней Монголии в г. Хух-Хото. Опираясь на историю появления сборника в библиотеке, а также на данные его колофона, кодикологии и палеографии, ученые склоняются к тому, что это парадная рукопись Лигдэн-хана, выполненная в 1629 г.

В мировых рукописных собраниях также хранится ряд разрозненных листов монгольского Ганджура написанных золотом на синей бумаге. Несмотря на то, что эти листы меньшего формата, нежели рукопись из Хух-Хото, с точки зрения кодикологии, палеографии и орфографии они выказывают поразительное сходство с Золотым Ганджуром и, по всей вероятности, принадлежат к еще одному экземпляру сборника, написанному вместе с Золотым.

В течение XVII–начала XVIII вв. рукописное издание Лигдэн-хана имело хождение среди монголов в списках, о чем свидетельствует ряд его так называемых «черных» (т.е. написанных черной тушью на обычной бумаге) копий, сохранившихся до наших дней. Таковыми являются: петербургский, хуххотский, уланбаторский и уланудинский списки монгольского Ганджура.

Ганджур Лигдэн-хана стал основой еще для одного, на этот раз ксилографического, издания, выполненного в правление цинского императора Канси (1661–1722) в 1718–1720 гг. в Пекине.

В рамках подготовки сравнительного каталога Золотого Ганджура было проведено текстологическое сличение названий и колофонов входящих в него сочинений с соответствующими им фрагментами «черных» списков и ксилографического издания монгольского Ганджура. Несмотря на небольшой объем сличаемого текста, анализ отдельных чтений и разночтений дает интересный материал для установления истории текста сборника. Суммарное рассмотрение материалов текстологического сличения позволяет выделить несколько групп чтений и разночтений в рукописных копиях и ксилографическом издании Ганджура.

К первой группе относятся, в первую очередь, ошибочные чтения, одинаковые для всех списков Ганджура и свидетельствующие об их родстве. Так, например, санскр. *nāṭa* было ошибочно передано в транскрипции санскритского названия сочинения в Золотом Ганджуре как *lam-a*. Последующими переписчиками это чтение, по всей видимости, было воспринято как фонетический вариант тиб. *bla ma* и изменено в тексте «черных» Ганджуров на его транслитерацию: *blam-a*. Эта общая для всех списков ошибка была исправлена только в ксилографическом издании: *na-a ma*. Ошибочная передача санскр. *anī yoga* в монгольском названии сочинения в Золотом Ганджуре как *aru yeke* была скопирована всеми «черными» списками и исправлена лишь в ксилографе: *anī yoga*. Некоторые подобные казусы воспроизведены лишь в некоторых «черных» списках и отредактированы в других.

Вторая группа разночтений указывает на то, что Золотой Ганджур стоит несколько особняком по отношению к «черным» спискам.

Наибольшим различием между ним и остальными сборниками является то, что перевод пяти сочинений, составляющих «Панчаракшу» в томе *ra* раздела «Тантра» Золотого Ганджура принадлежит перу известного книжника XIV в. Шейраб Сэнгэ, в то время как остальные списки содержат перевод, выполненный Аюши Гуши в 1598 г. Также недавно нами было установлено, что золотой лист монгольского Ганджура, хранящийся Берлинской государственной библиотеке, содержит фрагмент ранее неизвестного перевода объемной сутры «Бхадракалпики», крайне отличного от перевода Дайцин-тайджи, входящего в состав «черных» списков и ксилографа. К сожалению, два тома Золотого Ганджура, содержащие текст «Бхадракалпики», были утеряны, однако очевидная связь золотых списков позволяет предположить, что и Золотой Ганджур содержал неизвестную версию перевода.

Ряд фрагментов текста, таких как части колофонов (фрагменты перевода тибетского текста, отдельные указания на переводчиков), мантры и молитвенные формулы, завершающие сочинения, а также отдельные словосочетания, наличествующие в Золотом Ганджуре, отсутствуют в «черных» списках и ксилографическом издании. Показательным является следующий пример. В Золотом Ганджуре в предложении *ed tavar-un keyid ebdebesü mes-e-yi γarγaydaqui* ('Пусть обнажит [Кали] свой меч, если разрушат монастырское хранилище!') выражение *ed tavar-un keyid* передает тиб. *dkor khang* (в данном контексте – монастырское хранилище для пожертвований). По всей видимости, оно было непонятно последующим переписчикам, которые опустили слово *keyid* в своем тексте и изменили генитив предшествующего слова на аккузатив. Таким образом, все «черные копии» и ксилографический текст предлагают следующее чтение: *ed tavar-i (-) ebdebesü mese-yi γarγaydaqui* ('Пусть обнажит [Кали] свой меч, если причинят вред имуществу!').

Ряд казусных ошибок Золотого Ганджура был исправлен в «черных» списках и ксилографе. Так, например, ошибочное монгольское написание имени гневного божества Хаягрива в названии четвертого сочинения в томе *zha* раздела «Тантра» *mön (!) čenggegčī* в остальных списках и ксилографе исправлено на *morin čenggegčī*.

Третья группа чтений указывает на связь между парами «черных» Ганджуров, по всей вероятности, восходящими либо один к другому, либо к какому-то общему списку. Одной из таких пар являются петербургский и улаудинский Ганджуры. Так, например, оба списка дают ошибочное написание имени тибетского переводчика *Ye shes sde* как *yeses sdom*, корректно переданное в остальных списках и ксилографе. Также в обоих списках, в переводе тибетского колофона, допущена ошибка в стандартной цепочке слов, описывающих перевод, редактуру и кодификацию сочинения: *orciyuluyad nayirayulju orciyulbai* вместо *orciyuluyad nayirayulju orosiylulbai*.

На основании вышесказанного можно предположить, что Золотой Ганджур, хранящийся в Хух-хото, является старшим из дошедших до нас списков этого канонического сборника. «Черные» Ганджуры восходят к списку с Золотого, подвергшемуся определенному рода редактуре. Ксилографический Ганджур восходит не к Золотому, как неоднократно указывалось в научной литературе, а к одному из черных списков.

Бойкова Е.В.

Монголия в публикациях Штаба Заамурского военного округа (начало XX века)

Ситуация на Дальнем Востоке в предвидении войны с Японией и возможного содействия ей со стороны Китая потребовала от России более внимательного и серьезного изучения Монголии. Повышенный интерес к Монголии объяснялся тем, что российские власти рассматривали эту страну не только как стратегически важную территорию, но и как торгового партнера и возможного союзника.

В начале XX века военные экспедиции в Монголию все чаще стали направлять военные округа. Военные исследователи перешли к созданию комплексных, обобщающих, аналитических работ по Монголии, в которых сочеталась географическая, историческая и этнографическая науки. Систематическое изучение Монголии начал вести Штаб Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС). Задача чинов Стражи заключалась в комплексном изучении этой страны, ее быта и традиций, языка. С 1905 г. Разведывательное подразделение Штаба Заамурского округа ОКПС публиковало в Харбине «Материалы по Маньчжурии и Монголии» под грифом «Не подлежит оглашению». В этом издании было напечатано несколько работ, посвященных внутриполитическому и экономическому положению Монголии, ее отношениям с соседними странами. Некоторые отчеты о путешествиях публиковались в виде книг и брошюр, доступных уже не только для узкого круга специалистов, но и для широкого читателя.

Одним из ведущих специалистов по Монголии в русской армии был ротмистр Заамурского округа ОКПС Баранов, свободно владевший монгольским языком. Служа в Монголии и имея возможность путешествовать по стране, он написал о ней несколько работ. С декабря 1903 г. по октябрь 1906 г. Заамурский военный округ направил в Монголию семь экспедиций; четырем из них руководил А.М. Баранов. Двумя изданиями вышла брошюра поручика Заамурского округа ОКПС Коншина «Монголия. Джеримский сейм» (1905, 1906).

Валеев Р. М., Валеева Р. З., Минибаева Л. С.

Эпистолярное наследие О.М. Ковалевского: Итоги и перспективы изучения

Изучение эпистолярного наследия востоковедов России и Европы – традиционно важное исследовательское направление в отечественной и европейской востоковедной литературе и историографии. Российское востоковедение и общественная мысль о Востоке XIX–XX вв., в том числе монголоведение, представлены известными и забытыми именами и трудами ориенталистов и их уникальным эпистолярным наследием. Поиск, систематизация и публикация писем отечественных востоковедов, в том числе российского и польского монголоведа О.М. Ковалевского (1801–1878), связаны с долговременной исследовательской и просветительской традицией, идущей от первых публикаций первой половины XIX в. до современности. Эти разнообразные исследования, посвященные эпистолярному наследию О.М. Ковалевского, составляют одну из замечательных страниц истории отечественного и европейского монголоведения XIX – XX вв. Они позволяют узнать (и оценить) много интересного и поучительного в биографии и наследии этого выдающегося ученого, мыслителя и человека.

В ряду основоположников академического и университетского востоковедения, монголоведения и буддологии, способствовавших формированию российской и польской научной школ, исключительное место принадлежит О.М. Ковалевскому.

В отечественной историографии истории востоковедения и монголоведения создаются работы, посвященные биографии и наследию российских востоковедов на базе их эпистолярного наследия. На основе этой уникальной источниковой базы анализ преподавательской, исследовательской и общественной деятельности ученых-востоковедов позволяет осветить сложный и противоречивый путь развития востоковедения и монголоведения в России и вклад ученых в науку о Востоке. В настоящее время существуют разнообразные публикации, посвященные изучению творчества отдельных крупных ученых, особенно О.М. Ковалевского, выяснению методологии их исследовательского поиска, оценке достигнутых ими успехов и их роли в развитии научного востоковедения и знаний о Востоке. Изучение научных биографий ориенталистов России с привлечением опубликованных и неизвестных писем или переписки остается важной

историографической и культурной традицией XIX–XX вв. В целом эпистолярное наследие востоковедов и монголоведов России имеет огромное воспитательное, познавательное и мировоззренческое значение.

Именно эпистолярное и в целом рукописное наследие отечественных востоковедов позволяют осмыслить их биографию в историческом, социально-политическом и, особенно, в нравственно-психологическом аспектах. Перспективными остаются направления и итоги комплексной и совместной исследовательской работы – поиска, изучения и издания эпистолярного наследия выдающихся основоположников российского востоковедения, в том числе О.М. Ковалевского, из фондов основных современных российских и европейских архивных центров. Эти бесценные материалы значимы для социальной истории российского и европейского востоковедения, для исполнения нравственного долга перед предшественниками, а также привлекут внимание специалистов и широкой читательской аудитории.

Для отечественной востоковедной традиции исследования эпистолярного наследия ученых и практиков характерны следующие направления и итоги: активное привлечение данного жанра для изучения жизни и творчества востоковедов и монголоведов; письма и переписка ученых позволяют осмыслить их наследие в общественном и личностном контексте историко-культурных эпох и периодов, в окружении и диалоге современников – друзей и коллег; традиционная житейская биография востоковедов и их научное творчество усиливаются личностно-психологической атмосферой; осуществляются поиск, систематизация и публикация разнообразной переписки и т.д.

Жизнь, научная биография и особенно эпистолярное наследие, в том числе рукописные дневники, монголоведа и ректора Казанского университета О.М. Ковалевского связаны с тремя основными периодами его жизнедеятельности – казанским (1824 – 1862 гг.), этапом научного путешествия в Сибири, Монголии и Китае (1828 – 1833 гг.) и варшавским (1862–1878 гг.). Известное и неопубликованное эпистолярное и в целом рукописное наследие О.М. Ковалевского связано с двумя первыми периодами его монголоведной деятельности. Например, в настоящее время только в Национальном архиве Республики Татарстан хранится более 200 дел о педагогической, научной и общественной деятельности, в том числе рукописные материалы ученого казанского периода жизни (1826–1862 гг.).

Эпистолярное наследие О.М. Ковалевского яркое свидетельство того, что его жизнь и деятельность в России, Монголии, Китае и Польше стали для ученого периодом напряженных профессиональных, духовных и личностных исканий и потерь, проявившихся в педагогической, научной, просветительской и административной деятельности и в работах, которые вошли в золотой фонд отечественного и мирового монголоведения.

В целом использование эпистолярного наследия О.М. Ковалевского прослеживается в отечественных энциклопедических изданиях, рецензиях, статьях, очерках и монографиях, в которых раскрывается феномен основателя кафедры монгольской словесности в Казанском университете, что позволяет объективно осветить жизненный путь и образ ученого и просветителя О.М. Ковалевского. В отечественной историографии особенно заметны следующие хронологические рубежи общественного и научного интереса к архивному и научному эпистолярному наследию О.М. Ковалевского: первая половина XIX – начало XX вв.; 30–60-е гг.; 70-90-е гг. XX в. и 2000-е гг.

Данная традиция и преемственность заметна в известных или забытых даже специалистами в разнообразных публикациях XX–начала XXI вв.

На предварительном этапе письма и переписка О.М. Ковалевского выявлены в основных архивных и культурных центрах Казани, Москвы, Санкт-Петербурга. Это фонды Национального архива Республики Татарстан, Санкт-Петербургского филиала архива РАН, Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге и др. Представляется важным дальнейшее расширение этого списка научных и культурных центров в России и Европе.

Обратим внимание на следующие интересные материалы и оценки.

В начале своей монголоведной деятельности, в 1834 г., заведующий кафедрой монгольской словесности писал М.Н. Мусину-Пушкину (1795–1862) – попечителю Казанского учебного округа (1829–1845 гг.): «Казанский университет... имеет ныне в своей библиотеке богатое собрание монгольских, маньчжурских, тибетских и китайских книг, отчасти способствующих изучению языков, отчасти объясняющих степень образованности народов Восточной Азии. Столь драгоценное, с неимоверным трудом сделанное приобретение должно быть предметом не одного только любопытства, но и ученых исследований. Укажу здесь на монгольские сочинения..., в коих сокрыты сведения, весьма немногим еще доступные по причине незнания языков, сведения, могущие раскрыть нам веру, философию и историю приверженцев буддизма в древней Индии, Китае, Тибете и Монголии»¹.

В своем письме от 21 января 1838 г., сохранившийся в фонде Санкт-Петербургского Филиала Архива РАН, О.М. Ковалевский писал на французском языке академику Х.Д. Френу: «Восточная литература, безусловно, предоставляет достаточно широкое поле для исследований, и я не теряю надежду, что смогу с некоторой долей успеха продолжать свою деятельность, если Ваше Превосходительство окажет мне честь своими советами. А Ваши глубокие знания и осведомленность сделают их еще более ценными. Я не упущу возможность представить на Ваше рассмотрение несколько статей, как только их закончу, и надеюсь, что Ваше Превосходительство включит их в журнал Академии, если она посчитает их достойными, сообщив мне о своем мнении по этому поводу».

Утвержденный 3 мая 1855 г. Александром II на должность ректора О.М. Ковалевский 30 июня 1855 г., в переломный период деятельности университетского сообщества писал А.С. Норову (1795–1869), министру народного просвещения (1854–1858 гг.): «Вашему высокопревосходительству благоугодно было указать мне на то значение, какое желательно доставить Казанскому университету на рубеже Азии и Европы, в видах распространения образованности, основанной на твердых началах народного просвещения, в отдаленных частях нашего обширного отечества. Призванный Вами сюда на короткое время, не имея под рукой сведений о состоянии высшего учебного заведения, к сожалению, я вынужден на сей раз ограничиться несколькими общими мыслями в полной уверенности, что они при отеческом Вашем внимании к нашим местным нуждам и неисправностям не останутся как *via de videvia* и послужат предметом дальнейшего размышления, целью и способам постепенных улучшений»².

В целом анализ и обобщение современного состояния исследований по проблеме эпистолярного наследия монголоведа О.М. Ковалевского позволяет: во-первых, ввести в научный оборот новые неизвестные личные письма О.М. Ковалевского и переписку с коллегами и оценить направления их научных и личных связей; во-вторых, осветить и существенно дополнить научную биографию и наследие ученого и его коллег; в-третьих, сохранить и продолжить преемственность в изучении эпистолярного наследия ученого и просветителя на основе рукописных материалов; в-пятых, в результате исследовательской работы имеется возможность уточнить и дополнить описания и содержание уже опубликованных писем О.М. Ковалевского и его адресатов.

На современном этапе представляется перспективным исследовательский проект, прежде всего, ученых ведущих гуманитарных центров России и Европы, направленный на поиск, изучение, систематизацию и публикацию эпистолярного и в целом рукописного наследия О.М. Ковалевского.

¹ Национальный архив Республики Татарстан. Ф.92. Оп.1. Д. 4198. Л.1–2об.

² Фролова С. О. М. Ковалевский и В. П. Молоствов о состоянии Казанского университета 150 лет назад// Гасырлар авазы – Эхо веков. Казань, 2007. - № 1.

Культ Гэсэра: взаимосвязь с эпосом и буддийские влияния

Одним из самых почитаемых эпических героев, чей культ приобрел среди монгольских народов религиозную окраску, является Гэсэр-хан. Этому обстоятельству способствовало появление специальной обрядовой литературы на монгольском языке, посвященной Гэсэру. Подобного рода культовые тексты получили распространение в разных регионах Монголии, например, в Прихубсугулье, где существовали факультеты мистики Гэсэра («Гэсэр-дацан») в двух буддийских монастырях, издававших в своих печатнях священные книги молитв и заклинаний духа Гэсэра [Ринчен Б. *Культ исторических персонажей в монгольском шаманстве // Сибирь, Центральная Азия и Восточная Азия в средние века: История и культура востока Азии. Т. 3. Новосибирск, 1975 – С. 194-195*]. Культ Гэсэра коснулся и приграничной Бурятии, письменным свидетельством чему является обнаруженный нами в Присаянье – Окинском районе ранее неизвестный список бурят-монгольского обрядового текста «Geser boyda-yin sang-un sudur» («Сутра воскурения фимиама Богдо Гэсэру»). Данная рукопись представляет интересный источник для уточнения эволюции и географического распространения среди монгольских народов культа Гэсэра и его взаимосвязи с эпосом.

Следует заметить, что авторами культовых текстов Гэсэра являлись представители буддийского духовенства, среди которых встречаются лица, занимавшие высокие церковные посты. Имя главного героя популярной среди аратов эпической поэмы использовалось с целью религиозной «пробуддийской агитации». Вероятно, этим обстоятельством можно объяснить появление культовых книжек, так называемых «Гэсэрийн убсан (сан)», т.е. «Воскурение Гэсэру» [Дамдинсурэн, *Исторические корни Гэсэриады. М., 1957 - С. 170*].

Необходимо оговориться, что мнения лам по поводу эпоса о Гэсэре расходились. Часть их была настроена против Гэсэриады, которая рассматривалась как «еретическое» произведение, народный языческий дух которого не вполне соответствовал буддийским понятиям. Такое отношение прослеживается при распространении буддизма в Бурятии. Так, в Тунке пытались ввести запрет на исполнение данного эпоса под предлогом, что покровителем буддийской веры считался сахюусан (гений-хранитель) Жамсаран, находившийся в оппозиции к Гэсэру. Но в Присаянье, в частности в Тункинской долине, эпопея о Гэсэре пользовалась настолько большой популярностью и народным признанием, что ламы, будучи дальновидными идеологами, были вынуждены придать эпическому герою особое положение, но уже как бы с их благословения.

В целом для монгольской традиции характерна заметно выраженная тенденция увязать образ Гэсэра с высшими персонажами ламаистского пантеона. По сходству функций или по описанию внешнего облика Гэсэра соотносят в обрядовой литературе, помимо Жамсарана, еще с такими буддийскими божествами, как Пехар, Вайшравана, Кубера, Бисман тэнгри. [Неклюдов С.Ю. *Образ Гэсэра в фольклорно-мифологической традиции Центральной Азии и Южной Сибири // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1978 – С. 43*]. Эта же тенденция проявляется и по отношению к самой эпопее о Гэсэре «с целью примирения ее с буддийским учением» [Поппе Н.Н. *Об отношении бурят-монгольского Гэсэра к монгольской книжной версии // Записки ГИЯЛИ. Вып. 5-6. Улан-Удэ, 1941 – С. 8*]. Так, ксилографическая версия монгольской Гэсэриады была издана в 1716 году при участии лам, внесших необходимые коррективы в духе буддийского вероучения, связавшие рождение Гэсэра с предсказаниями Будды [Жамцарано Ц.Ж. *Конспект улигеров // Архив востоковедов Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН. Ф. 62. – Л. 136-137*].

Как свидетельствуют факты, ламаистский фактор, начиная с XVI–XVII вв., сыграл значительную роль в буддийской трансформации письменной версии монгольской Гэсэриады, которая имела распространение и в Бурятии. Так, в Тунке, где существовали списки пекинского ксилографического издания, этот книжный «Гэсэр», с которым были знакомы местные грамотеи, владевшие старописьменным монгольским языком, причисляли к «ламским улигерам» («Ламын үльгэр») [Гунгаров В.Ш. *Фольклор Тунки // Бурятский фольклор. Улан-Удэ, 1975 – С. 89*]. В силу сложившихся обстоятельств книжноэпическая версия монгольской Гэсэриады оказала определенное внимание на устную тункинскую эпическую традицию, в которой прослеживаются некоторые буддийские образы и мотивы. Подобного рода заимствования обнаруживаются также во многих приангарских вариантах устной Гэсэриады. Так, в небесном пантеоне унгинской Гэсэриады (вар. П. Петрова) в числе высших божеств называются Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхан (Будда Шакьямуни) и Табан номто бурхан («Пять духовных бурханов»).

Буддийские влияния в унгинской версии в целом и в тункинских вариантах, в частности, наводят на мысль, что многие из них были первоначально принесены вместе с устным эпосом хонгодорами и другими монголо-ойратскими родами из Монголии в период распространения там буддизма. В дальнейшем, вследствие сравнительно позднего проникновения буддизма в Присянье (XIX в.) и знакомству через знание старомонгольской письменности с книжной (пекинской) версией Гэсэриады, пришедшей вместе с буддизмом в горную Бурятию, усилилось и буддийское влияние на местную устную традицию.

По всей видимости, во многом благодаря буддийскому фактору и стечению исторических обстоятельств эпос «Гэсэр» и культ Гэсэра оказались связанными между собой. Между ними, безусловно, существует семантическая взаимосвязь, исходящая из общей этнокультурной традиции. Так, например, рукописное сочинение «Geser qaγan-u sang oruṣiba» («Сан Гэсэр-хагана») начинается с молитв, обращенных к Гэсэр-хану, в которых он называется «сыном святого Тушэту-тэнгри и сыном Хормуста-тэнгри» (в эпосе Гэсэр является сыном Хормусты, здесь он именуется еще сыном Тушэту-тэнгри, олицетворяющего царство счастливых небожителей – будд и бодхисатв – Б.Д.). Центральное место в этом обрядовом тексте занимает воспевание самого Гэсэра с поэтическим описанием воинских доспехов и одеяния героя (ср. аналогичные общие места в эпосе, в которых описывается сборы героя в военный поход – Б.Д.). В возвышенных тонах прославляются героические подвиги, совершенные Гэсэром, причем в заключительном аккорде этого пространного панегирика он предстает как «рыцарь буддийской церкви».

Завершается обрядовый текст традиционной просьбой к Гэсэру об исполнении всех желаний, избавления от недругов, злых духов, недугов, жизненных невзгод и обретения долголетия, счастья, благоденствия. Как отмечает Ц.П. Ванчикова [Ванчикова Ц.П. *Монголоязычные обрядовые тексты культа Гэсэра // Культура Центральной Азии: Письменные источники. Вып. 2. Улан-Удэ, 1998 – С. 112-114*], в сочинении «Сан Гэсэр-хагана» была использована и творчески переработана сюжетная основа пекинского ксилографического издания «Гэсэра». Об этом свидетельствуют перекличка имен эпических персонажей и упоминание деяний Гэсэра, заимствованных из эпоса. Образ же героя, приобретший в культовой интерпретации иконографические черты, восходит, несомненно, к образу Гэсэра в ксилографическом издании и содержит общие с ним элементы знакового сходства.

Также обнаруживает очевидную связь с текстом письменной Гэсэриады упомянутая нами выше окинская рукопись «Geser boyda-yin sang». В ней описание «портрета» Гэсэра со всей его боевой атрибутикой, основанное на его эпическом оригинале-источнике, служит своего рода преамбулой для пространной панегирической инвокации, адресованной Гэсэру как «могущественной силы исполненному, благодетельному» ревнителю буддийской религии и закона и завершающейся молитвенными просьбами [Дугаров Б.С. *О восточноаянском обрядовом тексте культа Гэсэра. // Mongolica-V. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001 – С. 100-101*].

Оба приведенных текста красноречиво свидетельствуют о существовании взаимосвязи культа и эпоса. С другой стороны, содержание обрядников демонстрирует стремление адаптировать образ Гэсэра в культовой системе монголо-тибетского буддизма. Необходимо отметить и буддийские заимствования в устных версиях бурятской Гэсэриады, что также выше рассматривалось. Все это в совокупности показывает роль буддийского фактора, оказавшего заметное влияние на различные сферы духовной жизни монгольских народов, в том числе на их эпическую традицию.

Зайцев В.П.

Подделки памятников киданьской письменности и сопутствующие проблемы киданеведения

Подделки памятников киданьской письменности (как большого, так и малого киданьского письма) издавна представляют собой особую проблему в киданеведении. Известно, что таковые начали появляться уже вскоре после первых находок памятников малого письма в 1920-х гг. В последние десятилетия отмечается заметный рост числа киданьских артефактов на антикварном рынке Китая. Многие из них являются подделками, но, логично предположить, что не все, поскольку несанкционированные раскопки погребений эпохи Ляо (907–1125) также являются источником поступления новых раритетов. Причины этого явления неоднократно назывались и анализировались исследователями (Ю. Янхунен, Э. Уэст и др.). Очевидно, что редкость киданьских текстов и насущная потребность в них у заинтересованных лиц (специалистов, коллекционеров и т.п.), вызывают и их предложение. Каждый новый найденный текст является сенсационным и дает науке шанс приблизиться к полной дешифровке обеих киданьских письменностей, что затрагивает и определенные струны души исследователей, заставляя их вступать в «погоню за новыми текстами» или пристально анализировать уже опубликованные. Все это, в свою очередь, ставит и проблему установления подлинности, ведь в большинстве случаев не известно ни происхождение нового текста, ни место и время его обнаружения, ни местонахождение оригинала (если текст попадает в руки исследователя только в виде эстампажа с него).

Другой важной проблемой является публикация псевдонаучной или не прошедшей строгого рецензирования продукции, вводящей в научный оборот *якобы* новые памятники, что зачастую вводит в заблуждение даже специалистов. Показательна в этом отношении деятельность самопровозглашенных экспертов Пэй Юаньбо (裴元博) и Чэнь Чуаньцзяня (陳傳江), опубликовавших несколько книг, в которых киданьские подделки выдаются за оригинальные находки эпохи Ляо. Отметим, что некоторые из них ошибочно принимались за подлинные и исследовались в работах киданеведов. Обращает на себя внимание и богато иллюстрированная книга «Исследование секретов киданьских письменных памятников» (彩图本 契丹文献探秘), составленная народными исследователями Ли Чжаолунем (李肇倫) и Ван Цзяньсюнем (王加勛), и изданная в Пекине в 2013 г. Очень осторожное и дипломатичное предисловие к ней написал специально приглашенный для этих целей авторитетный исследователь-киданевед Цзиши (即實, монг. Batu), среди прочего, тонко указавший на присутствие в одном из текстов знаков большого и малого письма (других таких текстов на сегодняшний день не найдено).

Большинство подделок письменных памятников достаточно легко могут быть распознаны специалистами, поскольку представляют собой переделки известных текстов, выполненные с разной степенью изящества, в том числе лингвистического (осведомленности в текущем состоянии дел по дешифровке киданьской письменности). Таковы, например, три каменных плиты с выгравированными эпитафиями на большом киданьском письме, хранящиеся в Музее национальностей Университета Внутренней Монголии (內蒙古大學民族博物館) в Хух-Хото (КНР).

Эти эпитафии нам удалось увидеть и обследовать во время поездки по Автономному району Внутренняя Монголия в августе 2016 г. Оригинальные киданьские тексты, положенные в их основу, нам очевидны — это эпитафия принцессы Юннин-цзюнь (永寧郡公主墓誌銘) и эпитафия Елюй Сине (耶律習涅墓誌銘). Интересно отметить, что эти эпитафии были подарены музею в январе 2008 г. известным культурным деятелем и предпринимателем госпожой Сыцинътана (斯琴塔娜, монг. Sečen-tan-a) и, как минимум, до 2009 г. считались подлинными.

Другая подобная «находка» — монумент с текстом большого киданьского письма, датированным пятым годом правления Да-ань (1089), и изображением животных двенадцатилетнего цикла (契丹大字大安五年十二生肖碑) снова связана с именами Ли Чжаолуня и Ван Цзяньсюня. В декабре 2013 г. эстампаж стелы был пожертвован Ли Чжаолунем для благотворительного аукциона Гуандунского отделения Клуба Львов (Lions Club), где и был приобретен Ван Цзяньсюнем. При ближайшем рассмотрении можно увидеть, что текст основан на эпитафии ланцзюня Дололибэня (多羅里本郎君墓誌銘), т.е. также является поддельным.

Однако поддельность или подлинность текстов не всегда столь очевидна и не всегда может быть установлена однозначно, что приводит исследователей к ошибкам и неверным результатам. Поддельные тексты могут быть приняты за подлинные и наоборот. Последнее уже случалось в истории киданеведения: обнаруженная в 1939 г. эпитафия покойного *тайши* (故太師銘石記) была признана подделкой китайским исследователем Ли Вэньсином (李文信; 1942) и в настоящее время утрачена. Утрачен и ее эстампаж. Впоследствии по опубликованным фотографиям было установлено, что текст — подлинный и написан большим киданьским письмом, а не известным на тот момент малым. Эта утрата является невосполнимой для науки.

В последние годы в связи с ростом числа подделок ситуация осложнилась и в некотором смысле повторяется. В 2010 г. У Инчжэ (吳英喆, монг. Оунчэ) и Ю. Янхунен (Juha Janhunen) опубликовали исследование двух новых текстов малого киданьского письма — эпитафии *фуши* Сяо Дилу (蕭敵魯副使墓誌銘) и эпитафии Елюй Сянвэня (耶律詳穩墓誌銘), также известной как эпитафия Елюй Ляньнина (耶律廉寧墓誌銘). Лю Фэнчжу (劉鳳翥), признанный авторитет в области киданеведения, в нескольких своих статьях аргументировано показал, что эти тексты являются поддельными. Это породило дискуссию между специалистами и вывело проблему подделок на новый уровень. Ю. Янхунен (2012) сформулировал основные критерии, по которым исследователи могли бы оценивать аутентичность вновь обнаруженных киданьских текстов, согласно им указанные тексты — безусловно подлинные.

Определенные сомнения вызывает и эпитафия *тайфу* Хэньдэня (痕得隱太傅墓誌), которую Айсинь Гиоро Улхичунь (愛新覺羅·烏拉熙春) датирует 960 г., что делает этот текст наиболее ранним из дошедших до нас памятников большого киданьского письма. Однако большинство исследователей киданьской письменности молчаливо обходят его стороной и не упоминают в своих работах.

Входят в список дискуссионных и такие недавно опубликованные тексты малого письма, как эпитафия Худуцзинь Шэньми (胡睹堇審密墓誌銘), эпитафия Елюй Цзюэ (耶律玦墓誌銘) и эпитафия Сяо Хуэйляня (蕭回璉墓誌銘), также известная как эпитафия Сяо Хуэйлинянь Ханьдэ (蕭徽哩輦·汗德墓誌銘). Все они введены в научный оборот У Инчжэ. В 2015 г. подделкой назван и еще один относительно новый текст — выполненная малым письмом эпитафия *сянгуна* Сяо Чала (蕭查剌相公墓誌銘), также известная как эпитафия Сяо Миня (蕭旻墓誌銘). Доказательства этого приводит в своей статье Лю Фэнчжу. В следующем году У Инчжэ опубликовал свое исследование этого текста, считая его подлинным.

Таким образом, вопрос о подделках киданьских памятников письменности, обусловленный, на наш взгляд, не только их многочисленностью, но и проблемой авторитетов, является в настоящее время насущным для киданеведения. Как было показано, оставить его без внимания невозможно, поскольку он давно затрагивает не только сферу собирателей, коллекционеров и аукционистов, но и напрямую влияет на качество производимых научных исследований. Очевидно, что дискуссия по указанным памятникам будет продолжаться и каждому исследователю киданьских текстов предстоит сделать свой выбор в пользу того или иного мнения относительно их аутентичности. Понятно, к чему может привести ошибка в этом выборе. В вышедшей в августе 2016 г. автобиографической книге «В поисках следов киданей: Мой путь снятия эстампажей со стел» (契丹寻踪：我的拓碑之路) Лю Фэнчжу посвятил отдельную главу подделкам, подробно рассказав об обстоятельствах, стоящих за ними, и выразив обеспокоенность сложившейся ситуацией. Трудно с этим не согласиться.

Зорин А.В.

Об одной из связок тибетоязычных калмыцких рукописей XVIII в. в собрании ИВР РАН

Сообщение основано на исследовании одной из связок рукописных фрагментов, поступивших в Библиотеку Академии наук во второй половине XVIII в. (затем в Азиатский музей) из калмыцких степей, на что указывает наличие среди них листов или надписей на ойратском языке. Эти рукописи находились среди разрозненных материалов тибетского фонда ИВР РАН и были инвентаризированы в 2014—2015 гг. Рассматриваемая связка листов (шифр Tib.970) — самая большая из всех по количеству отдельных фрагментов (около 115) и общему числу листов (около 200). Она обернута в лист русской бумаги (с филигранью XVIII в.) с аннотацией на немецком языке «19. Einzelne tibätische blätter», что отсылает к дополнению И. Буссе (1798 г.) к каталогу тибетских и монгольских текстов И. Иерига (издан в 1796 г.). Таким образом, эта связка листов имела в собрании БАН в конце XVIII в.

В связке представлено несколько целых или почти целых текстов, состоящих из небольшого количества листов, только один текст сравнительно большой (29 лл.), но большая часть представляет собой разрозненные листы. Это обстоятельство заставляет предположить, что данная связка могла быть извлечена из какого-то сакрального объекта. Содержание текстов буддийское: представлены как сочинения из тибетского буддийского канона, так и другие тексты (многие пока предстоит идентифицировать). В ходе изучения данных листов были выявлены некоторые интересные палеографические особенности калмыцких рукописей, которые будут представлены в иллюстративных материалах. Доклад подготовлен в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№16-06-00382).

Кантор Е.А.

К изучению структуры монгольского перевода «Мани-кабума», выполненного Гуши цорджи

Доклад посвящён изучению монгольского перевода сборника «Мани-кабум», выполненного Ширегету Гуши цорджи. Памятник тибетской литературы «Мани-кабум» (тиб. Ma ni bka' 'bum) — это сборник, посвящённый культу Авалокитешвары и содержащий тексты, разнообразные по жанровой принадлежности и по времени создания. Он состоит из трёх основных циклов (тиб. skor):

«Цикла сутр» (тиб. mdo skor), «Цикла садхан» (тиб. sgrub thabs kyi skor) и «Цикла наставлений» (тиб. zhal gdams kyi skor). В некоторых редакциях присутствует отдельный «Цикл биографий» (тиб. mdzad pa rnam thar gyi skor).

Известны три перевода этого сочинения на монгольский язык, выполненные в период с конца XVI по середину XVII века. Каждый перевод имеет определённую структуру, в разной степени отличающуюся от тибетского оригинала. Перевод Гуши цорджи относится к 1608 году и представляет собой наиболее редкую монгольскую версию «Мани-кабума». Рукопись этого перевода хранится в собрании Музея-квартиры академика Ц. Дамдинсурена (отделении Института языка и литературы Монгольской Академии наук). В докладе предлагается описание структуры этого текста. Он состоит из 16 разделов. Первый раздел занимает «Цикл сутр», второй – «Цикл биографий», третий – «Цикл садхан», с четвёртого по шестнадцатый раздел расположен «Цикл наставлений».

Кульганек И.В., Носов Д.А.

Мэргэн-гун Гомбоджаб – князь, ученый, переводчик

Мэргэн-гун Гомбожаб является одной из ведущих фигур в общественной и культурной жизни Монголии первой половины XX века. Он принадлежал к роду Сайн-нойон хана, оставившего глубокий след в истории Монголии, последним нойоном, унаследовавшим титул управляющего хошуном Мэргэн-гун Сайн-нойоновского аймака. Он стал первым монголом, посланным Ученым Комитетом Монголии на учебу в Ленинградский Институт живых восточных языков в 1925 году, и первым аспирантом, поступившим в Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде в 1934 году, т.е. первым монгольским ученым новой формации, получившим образование в СССР. Он был одним из первых интеллигентов новой формации, владел маньчжурской, китайской, тибетской грамотой, знал русский, немецкий, английский, французский языки.

Работая в Бур.Учкоме в 30-е годы, он участвовал в написании монгольско-русского словаря, переводил с русского на монгольский язык научную и художественную литературу. В 1937 году за месяц до окончания аспирантуры, в преддверии защиты кандидатской диссертации на тему монгольской летописи XVII в. «Цагаан туух», выполнявшейся под руководством П.П.Поппе, на которую он получил положительный отзыв, Гомбоджаб был арестован НКВД. Он проходил по одному делу с известным бурятским ученым, общественным деятелем Ц.Ж. Жамцарано и погиб в СевВост лагере в августе 1949 года. Позже полностью реабилитирован.

Гэргэн-гун Гомбоджаб является национальным достоянием Монголии. Изучение его жизни и деятельности добавит новое знание в понимание исторических и культурных процессов, происходивших в Монголии в начале XX в.

Мандрик М.В., Захарова И.М.

Завершающий этап работы российского советника Монгольского правительства (конец 1916 – 1917 гг.)

В декабре 1916 г., после неожиданного отъезда из Урги Финансового советника Монгольского правительства С.А. Козина, представители российской власти оказались в трудном положении. Отъезд Советника, который больше походил на бегство, ставил под угрозу всю проведенную им ранее работу, вне зависимости от того, как рассматривать результаты его деятельности. Вызвать из России нового советника не было возможности – это требовало значительного количества времени

для поиска подходящей кандидатуры, да и представители монгольской верхушки, не выразившие ранее желания подписывать новый контракт с С.А. Козиным, не спешили подписывать его и с кем-то другим. Дипломатическому агенту А.А. Орлову удалось добиться согласия назначить исполняющим обязанности должность Советника барона П.А. Витте – начальника экспедиции при С.А. Козине и его основного помощника. До Монголии барон П.А. Витте был «старшим специалистом по сельско-хозяйственной части при Департаменте земледелия», заведовал опытной станцией в Астраханской губернии (при С.А. Козине он получал жалованье в 9 тыс. руб.)¹.

Несмотря на принципиальное отличие с Советником в понимании проведения реформ, А.А. Орлов осознавал, что реформирование в такой стране, как Монголия всегда чревато осложнениями, так как «подавляющее большинство монголов, принадлежащих к руководящим кругам и даже стоящих у власти, никуда из своей страны не выезжало и образцов организованной жизни не видело. Кроме того, те из монгольских администраторов, которые принадлежат к буддийскому духовенству, являются принципиальными противниками изменений в государственной организации, историческому образованию которой это духовенство в своих классовых интересах содействовало»².

Дипломатический агент А.А. Орлов предпринял все от него возможное, чтобы монгольская сторона не отказалась полностью от идеи реформирования управления, и особенно от реформирования с помощью русских специалистов. После «необычного отъезда» из Урги советника, у А.А. Орлова появилась надежда, что вместе с ним можно освободиться и от части его сотрудников. Он был прав, считая, что С.А. Козин «при поспешном формировании кадра сотрудников, обращал более внимания на нравственные качества приглашаемых им на службу Монгольского правительства лиц, знакомых ему по службе в России, чем на соответствие их тем специальностям, на которые эти лица предназначались». Но барон П.А. Витте из солидарности с коллегами, не пошел на этот шаг³. А.А. Орлов, однако, не считал возможным отпустить ситуацию, и выступил с предложением создать инструкции для русских специалистов, работающих в Монголии.

Отношения с бароном П.А. Витте у А.А. Орлова складывались более удачно, чем с первым Советником при Монгольском правительстве. Но и в них не было полного единодушия. Так, А.А. Орлов 14 июля 1917 г. был вынужден констатировать, он «до сих пор не в состоянии побороть те широты во взглядах сотрудников бывшего Советника Монгольского правительства на размеры реформ, потребных бедной ресурсами Монголии и необходимых, по их мнению, для этого средств. Убедить барона П.А. Витте внести в представленные им сметы указанные мною выше сокращения мне стоило очень больших усилий». А.А. Орлов, хоть и понимал, что это невозможно в новых условиях, но все же «закинул удочку», заметив, между прочим, что «изменение характера действий русских специалистов в Монголии могло бы последовать лишь после замены большинства их новыми лицами, свободными от указанной выше широты взглядов, культивировавшейся в течение трех лет»⁴.

Уход от дел С.А. Козина позволил Дипломатическому агенту принять более активное участие в проведении реформ и лично влиять на ход событий, а не узнавать о них от монгольской стороны, как это было при прежнем советнике. П.А. Витте не было особой надобности входить в курс дела, поэтому он сразу же составил новую смету на 1917 г. Из Комитета по обследованию Монголии П.А. Витте создал Комитет реформ, в котором под его председательством должны были заседать представители всех Монгольских главных управлений. К февралю он успел разработать проект

¹ Архив Внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3089. Л. 118.

² Там же. Л. 125об.

³ Там же. Л. 128–128об.

⁴ Там же.

ветеринарной части, по которой на ветеринаров возлагалась не только забота о лечении, но и заведение образцовыми фермами, устройство за государственный счет загонов для скота, заготовка сена и др.¹. Еще ранее П.А. Витте создал Главное управление государственных имуществ с его подразделениями в провинциях.

А.А. Орлов не смог наладить плодотворные рабочие отношения с Советником С.А. Козиным. Е.М. Даревская считала, что А.А. Орлов, прибыв в Ургу осенью 1915 г., принялся рьяно защищать интересы русских торговцев, в то время как Советник выступал за интересы монголов. По мнению исследовательницы, С.А. Козин «имел демократические или иногда либеральные взгляды. Орлов же был убежденным монархистом, неограниченным диктатором в русской колонии в Урге, насчитывавшей 2500 человек»². То, что у дипломатического агента были сложности с русскими поселенцами после Февральской революции, известный факт, но все же нельзя сводить все разногласия между А.А. Орловым и С.А. Козиным к политическим разногласиям. Кроме того, после отъезда С.А. Козина, Дипломатический агент даже высказал идею вовсе упразднить должность советника и «создать условия возможности проявления самими монголами инициативы в деле реформ». Понимая, что у барона П.А. Витте нет такой поддержки в правительственных кругах России, как у С.А. Козина, и у него не подтвержденный статус у монголов, А.А. Орлов взял на себя смелость корректировать предложения барона и вносить свои почти по всем видам деятельности исполняющего обязанности советника. Кроме того, он прямо предлагал товарищу Министра иностранных дел А.А. Нартову, чтобы «все вносимые на обсуждение Комитета ³проекты русские специалисты должны представлять на предварительное одобрение Дипломатического Агента, а также доводить до его сведения о всех предполагаемых в их ведомствах реформах, возникающих в комитете по инициативе его монгольских членов»⁴. Пункт об «одобрении у агента» был особенно важен для А.А. Орлова, т.к. он сам участвовал в частых дебатах с С.А. Козиным, доказывая ему, что тот превратно понимает права русских граждан в Монголии и действует, порою, во вред своей стране.

Реформы барона П.А. Витте и нововведения Дипломатического агента А.А. Орлова могли поставить реформирование Внешней Монголии на новый уровень, но события в России не позволили Временному правительству уделять должное внимание своему далекому соседу. Единственное, что еще интересовало в отношениях с Монголией – это поставка мяса, которая была жизненно необходима России, а все вопросы реформирования, требующие вложений и нескольких лет отдачи, отходили на задний план. Последующая Октябрьская революция еще более ослабила влияние России и позволила Китаю вернуть на время свои позиции в Монголии.

Меняев Б.В.

Ойратские ксилографы, хранящиеся в частных коллекциях Синьцзяна КНР⁵

Ксилограф – это оттиск на бумаге с деревянной дощечки. Общеизвестно, что ксилографы у ойратов были редкостью и на сегодняшний день их обнаружено небольшое количество. В первой пол. XX в. Б. Лауфер писал об отсутствии у ойратов книгопечатания [*Лауфер Б. Очерк монгольской*

¹ Там же. Л. 130–130об.

² Даревская Е.М. Русский советник правительства Монголии в 1914–1916 гг. С.А. Козин // Восток и Россия: взгляд из Сибири: материалы и тезисы докладов к научно-практической конференции. Иркутск, 16–18 мая 1996 г. Иркутск, 1996 – С. 63.

³ Комитета реформ, созданного бароном П.А. Витте.

⁴ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3089. Л. 132об.

⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ № 16-04-00281 «Частные коллекции калмыцких (ойратских) рукописей в России и Китае (по материалам археографических экспедиций 2012-2014 гг.)».

литературы. Перевод В. А. Казакевича под редакцией и с предисловием Б. Я. Владимирцова. Л., 1927 – С. 27]. Б. Я. Владимирцов говорит о двух ксилографах [Владимирцов Б. Я. Работы по литературе монгольских народов. М., 2003 – С. 54]. Позже Д. Кара писал, что их число не более десяти [Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972 – С. 173]. Х. Лувсанбалдан писал, что ксилографы в коллекциях Улан-Батора насчитывают восемь экземпляров [Лувсанбалдан Х., Бадмаев А. В. Калмыцкое ксилографическое издание сутры «Алтан гэрэл». // 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста, 1970 – С. 80]. А.Г. Сазыкин говорит о 15 ксилографах [Сазыкин А. Г. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии наук от Б. Я. Владимирцова // Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884 – 1931. М., 1986 – С. 277]. Более точное количество ксилографов на «ясном письме» на данный момент неизвестно.

Существуют разные объяснения причин слабой распространенности ксилографов среди ойратов. По мнению некоторых исследователей, сама предметность рукописной книги, ее «плоть» воспринимались как святыня, хранилище сакральных знаний. Поэтому рукописная книга как бы имеет непосредственную связь с тем, кто заказал ее переписку, а «ксилограф» неодушевлен [Бичеев Б. А. Этнообразующие доминанты духовной культуры западных монголов (ойратов). Элиста, 2003 – С. 78]. Этим возможно, и объясняется их столь незначительное количество. Не смотря на малочисленность ойратских ксилографов, они имеют место быть. В научных экспедициях в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая (далее СУАР КНР), по поиску рукописей и старинных книг на «ясном письме», нами были зафиксированы пять ксилографов:

1. Xutuq-tu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan gerel kemēkü yeke külgüni sudur orošiboī. Популярное каноническое сочинение «Сутра Золотого света». Размеры 40x10,5 см, 130 л.
2. Xutuqtu caqlaši ügei nasun belge biliqtü kemēkü yeke kölgüni sudur. Каноническое сочинение, относящееся культу будды долголетия Амитаюса. Размеры 20x8,5 см, 17 л.
3. Xutuqtu biligiyn činadu kürüqsen tasuluqçi oçir kemēkü yeke kölgöni sudur orošiboī. Каноническое сочинение буддизма Махаяны. («Ваджрачхедика праджня-парамита сутра»). Размеры 22,7x9 см, 30 л.
4. Xutuqtu biligiyn činadu kürüqsen tasulaqçi oçir kemēkü yeke kölgüni sudur. Каноническое сочинение буддизма Махаяны («Ваджрачхедика праджня-парамита сутра»). Размеры 25x9 см, 41 л.
5. Xutuq-tu Darē ekeyin xorin nigen maqtāl kemēkü orošibo. «Двадцать один магтал Дара-эхе». Размеры 31x10 см, 20 л.

Все эти ксилографы представляют особый интерес для исследователей. Они сосредоточены в частных коллекциях. В селении Бахлык уезда Текес Или-Казахской автономной области СУАР КНР в доме буддийского священнослужителя Увелзенга, хранится ойратский ксилограф «Сутра Золотого света» (*Xutuq-tu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan gerel kemēkü yeke külgüni sudur orošiboī*). Сутра была переведена Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599-1662) с тибетского языка. В перечне переводов она стоит пятой по счету [Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабджам Зая-Пандиты. СПб. 1999 – С. 62]. «Сутра Золотого света» была очень популярна и распространена у всех монголоязычных народов [Лувсанбалдан Х., Бадмаев А. В. Калмыцкое ксилографическое издание сутры «Алтан гэрэл». // 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста, 1970 – С. 11]. На каждом листе ксилографа стоит печать красного цвета. К сожалению, со временем красная тушь выцвела, и нам не удалось прочитать текст. По сообщению владельца, ксилограф раньше хранился в монастыре основанном Зая-пандитой («*xutuqtuyin kürē*»). Первый лист состоит из 19 строк, второй и вплоть до 130 листа 20 строк. Последний 131 лист состоит из 17 строк. Пагинация полистная. Бумага, на которой отпечатан ксилограф плотная. Интересную и важную информацию по истории ксилографа содержит колофон. Так, инициатором печатания сутры являлись калмыцкий хан Дондук Даши-хан и его супруга ханша Деджит (*öqligüyin*

ezen oloni ezen oyirodiyin noyon Don grob bkra šes kigēd neyideyin yeke ezen eke xatun Bde skyed). В колофоне ксилографа Дондук-Даши назван ойратским нойоном. Следовательно, время изготовления ксилографа можно датировать годами правления Дондук Даши-хана, т.е. между 1741 – 1761 гг. В отношении ханши Деджит известно, что она являлась второй женой Дондук Даши-хана и мачехой наместника Убаши, который увел большую часть калмыцкого народа в Китай в 1771 г. Дондук Даши-хан был законотворцем и большим поборником образования среди калмыков [Голстунский К.Ф. *Монголо-ойратские законы, 1640, СПб, 1880*]. В колофоне также говорится о переводчике с тибетского на ойратский язык Зая-пандите (*olburi dēdū yeke amuyūulang-gi olxuyin tula Oqtoryui Dalai Rab-byam Za-Ya pandida orčiulbai*). На письменной доске текст вырезал писец Мерген Гуши Цультим Джамцо (*onotoyoi uxātu Mergen güüši Çül-krim byam-co samuradan*), а на бумагу переносил Гедун Занпо (*onco dēdū-yi-gi kereqleqči ketürkei bičiči Dge-dun Bzangpo cāsun-du bičiqsen*). Как пояснил хранитель письменного памятника, ксилограф был вывезен с Волги в 1771 г.

Еще один интересный ксилограф на «ясном письме», хранится в семье жителя поселка Джу Ма Чан, находящегося близ г. Монгол-Курээ, Хотол-Тугеса под названием «Сутра Махаяны, именуемая «Святая, обладающая неизмеримой жизнью и мудростью» (*Xutuqtu caqlaši ügei nasun belge biliqtü kemēkü yeke kölgüni sudur*). Сутра посвящена культу Будды Амитаюса и является каноническим буддийским сочинением. Размеры этого ксилографа 20х8,5 см, 17 листов, 17 строк. Края листов склеены бумагой белого цвета. Эта сутра также является переводом Зая-пандиты. Заказчиком перевода был ученик Зая-пандиты Ачиту-цоржи. К слову, Ачиту-цоржи был инициатором многих переводов Зая-пандиты. К сожалению, в колофоне отсутствует информация об изготовлении самого ксилографа, т.е. о времени, резчике и заказчике ксилографирования.

В коллекции Утнасуна Хошуда, который проживает в селе Хусумт Хара Усун уезда Монгол-Курээ, хранится ксилограф «Ваджраччхедика праджня-парамита сутра» (*Xutuqtu biligiin činadu küriqsen tasuluqči očir kemēkü yeke kölgöni sudur orošibo*). Обращает на себя внимание хорошая сохранность ксилографа, что говорит о надлежащем уходе и бережном отношении хранителя к нему. Нужно отметить, что владелец является переписчиком сутр (*sudur bosxodoq*) и читающим их по просьбе верующих (*nom nēdeq*). Размеры ксилографа 22,7х9 см, 13-19 строк. Текст отпечатан на 30 листах плотной коричневой бумаги. Края первого, второго и последнего листа заклеены скотчем. Колофон содержит информацию о заказчике, переписчике и резчике. Для полноты информации об изготовлении ксилографа, мы даем транслитерацию колофона с переводом на русский язык: *dorze zodpayin sudur öüni ariun süzüqtü Möngkübya öqligüyin ezen bolun bartu bulıyulbā öüni siyileqsen ariun šaqšabad tögüsüqsen dgeslong Bluzang Kalzhang: ıal tuulai jildu bartu sılji bosxuba:: Amitani sayin buyan-du Bakā daxan bayasulcaba* (Сутру «Дорджи джодва» повелел отпечатать истинно верующий милостынедатель Монкуджа, отпечатал же ее преисполненный святых обетов гелонг Лоузанг Галсанг. Отпечатали [сутру] в год огненного зайца. Хорошей добродетели живых существ возрадовался Бака). Данный ксилограф был отпечатан в 60-70-е гг. XX в. Доказательством этому служат формы букв «z» и «c» «ясного письма», которыми отпечатан ксилограф. Они были приняты в СУАР КНР в 60-е гг. XX в.

Еще один интересный ксилограф «Ваджраччхедики праджня-парамита сутры» мы обнаружили в частной коллекции знатока старинных ойратских книг Джууны, жителя г. Монгол-Курээ. Этот список интересен тем, что был изготовлен по инициативе торгутского хана Буян-Менке (1891 - 1917) и его супруги ханши Пуджин. Буян-Менке является прямым потомком калмыцкого хана Дондук Даши. Как видим, он как его предок покровительствовал ксилографированию у ойратов. Этот памятник является третьим случаем ксилографирования «Ваджраччхедики праджня-парамита сутры» ойратами.

Пятый ксилограф, который нам довелось увидеть это «Двадцать одно восхваление Таре» (*Xutuq-tu Darē ekeyin xorin nigen maqtāl kemēkü orošibo*). Этот источник хранится в семье историка,

каллиграфа Джавын Досана, жителя г. Текес СУАР КНР. Ксилограф идентичен тому списку, который хранится в Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН в г. Санкт-Петербурге [Яхонтова Н. С. *Ойратские рукописи и ксилографы в собрании Института восточных рукописей РАН // «Мир ясного письма». Сборник научных статей. Элиста, 2014. с. 5-26 – С.8].* Размеры его 31x10 см. Ксилограф состоит из 20 листов.

Таким образом, подытоживая, мы можем сказать, что, ойратские ксилографы, обнаруженные в частных коллекциях в СУАР КНР, являются образцами книгопечатания у ойратов в XVIII – XX вв. Надеемся, что углубленное изучение этих ксилографов, внесет заметный вклад в исследование письменной культуры ойратов.

Мирзаева С.В.

О форманте родительного падежа –*i* в старописьменном монгольском языке (на материале «Истории о царевице Манибадре»)

Исследование языка памятников средневековой литературы монгольских народов – одна из актуальных задач современного монголоведения. Среди ученых, занимающихся лингвистическим описанием различных сочинений монгольской средневековой литературы, можно назвать М.Н. Орловскую, Н.С. Яхонтову, Л.Б. Бадмаеву, Ц.Б. Цыдендамбаева, Г.Ц. Пюрбеева, Д.А. Сусееву и др.

В докладе мы хотим описать случаи использования форманта –*i* родительного падежа, редко встречающегося в старописьменном монгольском языке, на материале монгольских рукописных текстов «Истории о царевице Манибадре» из хранилищ г. Санкт-Петербурга и Улан-Батора. «История о царевице Манибадре» – один из памятников монгольской переводной литературы XVII–XIX вв. Она восходит к санскритской джатаке о царевице Судхане, которая была переведена на тибетский, а позже и на монгольский, языки в составе буддийских сборников джатак и авадап и включена в состав сборников буддийского канона – Кангьюра и Тенгьюра. До нашего времени дошло значительное количество рукописных версий «Истории...» на монгольском и ойратском языках, что свидетельствует о популярности данного сочинения в письменной традиции монгольских народов.

Основные показатели родительного падежа в классическом монгольском языке – *u\ü* после основ, заканчивающихся на –п; *-un\ün* – после основ, заканчивающихся на другие согласные, и *-yin* – после основ, заканчивающихся на гласный. Однако в текстах XIII–XIV вв., как указывает М.Н. Орловская, встречается также формант –*i*, совпадающий с аналогичным показателем винительного падежа, в чем некоторые исследователи (Ц.Б. Цыдендамбаев, Т.А. Бертагаев, Г.Д. Санжеев) усматривают свидетельство генетической связи между этими падежами. Подобное предположение подтверждается данными некоторых современных монгольских языков, такими как баоаньский, дунсянский, монгорский языки, в которых показатели указанных падежей совпадают. Поскольку в классическом монгольском языке этот формант практически не встречается, некоторые исследователи рассматривают его как более архаичную форму, характерную для текстов более раннего периода.

Из изученных нами семи рукописных текстов «Истории...» формант –*i* встречается в трех. Первый текст – «История о царевице Манибадре» (монг. Manibadra qaγan-u tuγujī) (далее – ИМ) – находится в 194-195-ом томах раздела Виная (монг. Nomuγadqaqu-yin šitügen) Кангьюра, изданного в серии «Шата-питака». Второй текст не имеет названия, начинается со строк «... Слушали приказы царя. [Там] было лотосовое озеро» (монг. qaγan-u jarliγ činglejü linqua-tu naγur kemekü bölüge) (далее – МКД), хранится в библиотеке музея-квартиры Ц. Дамдинсурэна. Третий текст – «Повесть о

царевиче Манибадара и госпоже Манихри» (монг. Manibadara qan köbegün Manihri qatun qoyarun tuuġi-yi oġoġiulbai) (далее – ИЯЛ) хранится в библиотеке Института языка и литературы АН Монголии. Последние два текста либо являются переводами неизвестной тибетской версии, либо представляют собой монгольские редакции «Истории о царевиче Манибадре».

Наиболее частое использование данного форманта зафиксировано в каноническом тексте «Истории о царевиче Манибадре» [К1]. В других двух текстах случаев использования показателя –i не так много.

ИМ	МКД	ИЯЛ
<i>umar-a jüg-deki Ed-tü neretü Bančala qaγan-dur jaγan-i ger kemekü balyasun bölüge</i> ‘У хана северной Панчалы по имени Дхана (букв. обладающий богатством) был город “Дом слонов”.’	<i>egüni qoyin-a basakü ödtör jolγaqu boltuγai</i> ‘Пусть мы встретимся после этого вскоре снова!’	<i>erten-ü jayaγan-i küčün-iyer či bida qoyara jolγaqu bui-j-a</i> ‘В силу прежней судьбы мы с тобой встретимся’
<i>edüge toroγči egün-i siltayan anu yaγun bui</i> ‘В чем причина того, что сейчас скитаешься?’;	<i>mani tere bayan luus-un qaγan-ni tarničinar <...> abču odqu</i> ‘Заклинатели заберут того нашего царя нагов’	<i>ülemji em-e görögesün-i nidün-dur adili saiγan aγali-tan-i üjebeü-e či</i> ‘Видел ли ты ту, кто обладает прекрасным нравом, [глаза которой] подобны глазам прекрасной самки антилопы?’
<i>tarniči teyimü nigen kümün-i yar-tur tere altan-i talbiγad <...> jaγan-u ger neretü balyasun-dur odbai</i> ‘Заклинатель отдал то золото в руки такому одному человеку и отправился в город “Дом слонов”’.	<i>tegüni qoyina luusun ökin-eče doloyan qubi ilegüü sayin tngri-yin ökin ireged bey-e-ben ugiyamui</i> ‘После этого прилетают дочери небожителей, которые прекраснее дочерей нагов в семь раз, и совершают омовение’	<i>tegüni emün-e alayaban qamtudγaysan-luγ-a adili qada bui</i> ‘Перед ней есть скала, напоминающая [человека], соединившего руки вместе’
<i>tendeče baling kiged kereglegdekün-i tula jiči oduγad</i> ‘Затем, отправившись специально за жертвенными фигурками – балинами, и прочим’		
<i>Kinari-yin qaγan-i Sedkil buliγči okin-i barisuγai</i> ‘Схвачу-ка я дочь царя киннаров Манохари (букв. Похитившая разум)’		

В тексте ИМ часто используется архаичный показатель родительного падежа –i, не характерный для классического монгольского языка, поэтому можно предположить, что во время создания текста еще не устоялись нормы старописьменного языка. Поскольку ИМ входит в состав Кангьюра, то можно установить, что текст был переведен до 1628-1629 гг., когда при Лигдэн-хане под руководством переводчика Кунга Одсэра была создана первая редакция Ганджура на монгольском языке. Тексты МКД и ИЯЛ, вероятно, были составлены позже, поскольку рассматриваемый формант встречается не так часто.

Мунхцэцэг Э.

«Хорин нэгт тайлбар толь» -ийн нэгэн зүйл гар бичмэлийн тухай

Эдүгээ бидэнд мэдэгдэж байгаа анхны манж хэлний толь бичиг нь 1672 оноос эхтэй бөгөөд дагалдаагаар “Хааны бичсэн манж үгийн толь бичиг”, “Нэвтэрхий толь бичиг”, “Дөрвөн зүйлийн үсэг хавсарсан толь”, “Гурван үсэг хавсарсан албан хэргийн тогтмол үг” зэрэг олон зүйлийн толь бичгийг найруулан гаргажээ. Эдгээрийн дотор албан ёсны гэгддэг «Хааны бичсэн» гэх тодотгол бүхий цуврал толь бичгүүд онцгой байр суурийг эзэлдэг билээ. Уул толиудыг зуун жилийн туршид, тодруулбал, Энх-Амгалан хааны засаглалын дунд үеэс Тэнгэрийн тэтгэсэн хааны засаглалын сүүл хүртэл цуврал маягаар зохиож, бар сийлэн тархаасан байдаг. Нийт 7 цуврал бий. Эдгээрээс хоёр нь «манж-монгол»хоёр хэлний толь бичигт хамаарах юм. Үүнд, эхнийх нь “Хорин нэгт тайлбар толь” хэмээх нэрээр алдаршсан “Хааны бичсэн манж монгол үгний толь бичиг” (маньчж. *Han-i araha manju monggo gisun-i buleku bithe*, монг. *Qayan-u bičigsen manju mongyol ügen-ü toli bičig*) (цаашид ХНТТ гэх) юм. Энэ толийг 1710 оноос эхлэж 1717 онд найруулж дуусган бар сийлжээ. Бүтэц, үгийн сангийн бүрэлдвэр нь үндсэндээ 1708 онд зохиосон “Хааны бичсэн манж үгний толь бичиг”-тэй адил. Зөвхөн тус тольд буй эш татсан эртний бичиг зохиолын үгийг оруулалгүй хасаж, найруулгыг нь ялимгүй өөрчлөн монгол үг хадсанаараа ялгаатай болжээ. Дараагийн тольд 1743 онд барласан ХНТТ-ийн дахин хэвлэлт орно (цаашид ХНТТ-1 гэх). Ийнхүү дахин барлахдаа өмнөх толийн нэр болон агуулгыг хөндөж өөрчлөлгүйгээр монгол үгийн ижил дүрсээр тэмдэглэгддэг үсгүүдэд манж үсгийн тэмдэгтүүдийг (дусал, бинт) нэмж, монгол үгийг манж үсгээр авиачлан бичжээ. ХНТТ болон ХНТТ-1 нь тус бүр 21 дэвтэр¹ бөгөөд эхний дэвтэр нь оршил болон гарчигаас бүрдэх ба үлдсэн 20 дэвтэр нь үндсэн толь болно. Мөн аль аль тольд толгой үгийг зүйл хуваах зарчмаар 45 хураангуй, 280 зүйл, 400 ангид холбогдуулан байрлуулсан байна.

ХНТТ-1-иос хуулж сийрүүлсэн нэгэн гар бичмэл² толь (цаашид ХНТТ-2 гэх) эдүгээ Монголын Үндэсний Номын сангийн “Монгол гар бичмэл ном”-ын хөмрөгт хадгалагдаж байна. Энэхүү толийг 27 см х 27 см хэмжээтэй, бор саарал өнгийн муутуу цаасыг улаан өнгийн мяндсан утсаар үдэж товхин, хар бэхээр бийрээр бичиж үйлджээ. Толийг үйлдсэн хүний нэр, хэзээ хуулж бичсэн зэрэг тодорхойгүй. Нийт 20 дэвтэр бөгөөд бүх дэвтрийг 1-ээс 20 хүртэл дугаарласан. Дэвтэр тус бүр ойролцоогоор 50-60 хуудастай. Хуудсыг дугаарлаагүй. Нэг хуудсанд 15 мөрөөр бичжээ. Энэ толь бүрэн эсэх, эсвээс эхний дэвтэр нь гээгдэж үгүй болсон тухайд эцэслэн хэлж боломгүй байна. Учир нь модон бараар хэвлэсэн ХНТТ болон ХНТТ-1-д эхний дэвтрийг дугаарлалгүйгээр үндсэн толиос буюу хоёрдугаар дэвтрээс эхлэн дугаарласан байдаг. Тиймээс, магадгүй энэ толийг сийрүүлэн бичигчид хувийн хэрэгцээндээ тулгуурлан байнга хэрэглэгдэх үндсэн толийн хэсгийг (20 дэвтрийг) хуулж бичээд, эхний дэвтрийг зориудаар бичилгүй үлдээсэн байж болох талтай юм.

Дэвтэр тус бүрийн дотор тэргүүн нүүрт толийн нэрийг дэвтрийн дугаарын хамт манж болон монголоор манж үсгээр бичжээ. Жишээлбэл, Тавдугаар дэвтэрт: ма. *Han-i araha manju monggo gisun-i buleku bithe. Sunjaci debtelin*; мо. *Hagan-nu biciksen manju, monggol ugen-nu toli bičik. Tabudugar debter*. Гэтэл дэвтэр тус бүрийн хавтасны нүүрэн талд зөвхөн монголоор *Dang manju üsüg-iyer bičigsen manju // mongyol ügen-ü qorin nige-tü tayilburi toli* хэмээх нэрийг хоёр тэнцүү босоо мөрт багтаан хорын харандаагаар бичсэн байна. Харин энэ хоёр босоо мөрийн дунд буюу хавтасны бараг голд дэвтэр тус бүрийн дугаарыг манжаар хар бэхээр бийрээр бичжээ. Энэ бүхнээс харахад хожуу буюу хорын харандааг өргөнөөр хэрэглэж байсан 40-50 оны үест толийн монгол нэрийг хавтасны нүүрэнд нэмэж бичсэн нь илэрхий байна. Мөн түүнчлэн энэ үед толийн монгол нэр болох «Хорин нэгт тайлбар толь» нь монголчуудын дунд аль хэдийнээ танил, хэрэглэгдэж хэвшсэн байсан нь илт байна.

¹ Н. Күрибаяши (2007), Чунь хуа (2008) зэрэг зарим нэгэн эрдэмтэд уул толиудын үгсийн хэлхээ болох нэмэлт 8 дэвтрийг нийт дэвтрийн тоонд оруулан нийт 29 дэвтэртэй хэмээн үзсэн байдаг (1+20+8).

² МҮНС, Монгол гар бичмэл номын хөмрөг, шифр 13044-64/97.

ХНТТ болон ХНТТ-1 нь тэр цаг үеийн албан бичгийг шийтгэхэд гол тулгар хэрэглэгдэхүүн болж байсны хувьд ном бичгийн хүмүүс түүнээс өөрт хэрэглэгдэх хэсгийг бүрнээр болон хэсэгчлэн хуулж, алба болон амины хэрэгцээндээ ашиглаж ирсэн байдаг. Тиймээс тухайн үед олон янзын гар бичмэл толь бичиг тархах болж, тэдгээрээс зарим нь одоо бидэнд уламжлагдан ирсэн байна. Үүний нэг биет баримт бол даруй дурдан буй 20 дэвтэр манж-монгол гар бичмэл толь бичиг (ХНТТ-2) билээ.

Носов Д.А., Почекаев Р.Ю.

К вопросу об атрибуции фрагмента Q 3356 из монгольской коллекции ИВР РАН

В рукописной коллекции ИВР РАН содержится небольшое число не атрибутированных отрывков правовых документов на монгольском языке. К их числу относится документ под шифром Q 3356, определенный А.Г. Сазыкиным как «Фрагмент из сборника монгольских законов». В докладе будет представлен русский перевод данного документа, а также предпринята попытка соотнести его с известными на сегодняшний день сборниками монгольских законов.

Пан Т.А.

Маньчжуро-монгольская грамота из коллекции ИВР РАН

В Маньчжурском фонде ИВР РАН хранится 16 императорских дипломов, дарующих наследственные титулы верноподданным цинской империи. Все они, как правило, оформлены в виде свитков, тексты написаны на китайском и маньчжурском языках на цветном шелке, закрепленном на бумажной основе. Два свитка отличаются от остальных тем, что их тексты написаны на маньчжурском и монгольском языках и касаются монголов, проживавших в монгольских степях за пределами Великой китайской стены.

Первый диплом (С 30 mss)¹ с одним императорским указом адресован жене корчинского монгола, второй (С 96 mss) содержит несколько указов и касается наследственной линии чороского тайджи Арабтана, подчинившегося маньчжурам в период правления Канси. За его выход из-под влияния Джунгарского ханства он получил княжеский титул *цзюнь-вана* и должность *дзасака*. Этот титул наследовался несколькими поколениями Арабтана, начиная с 42 г. правления Канси (1703) до 45 г. Цяньлуна (1780). О передаче наследственного титула и должности сыновьям Арабтана – его внуку Пунчуку и правнуку Намджилю, а также об изменениях в зависимости от их заслуг свидетельствует первая часть диплома, которая датируется 45 г. Цяньлуна. Отдельно оформлены два следующих указа: в 46 г. правления Цяньлуна (1781) Намчжил жалуетс титулом *дзасак бэйсэ*, а в 53 г. правления Цяньлуна (1788) его сын получает титул *дзасак гусай бэйсэ*.

Оформление диплома свидетельствует о том, что свиток, хранящийся в семье, после смерти владельца дополнялся следующим императорским указом о переходе титула к наследнику. В нашем свитке представлено свидетельство передачи наследственного титула монгольских князей в течение пяти поколений.

Дипломы о даровании наследственных титулов имели большее значение при составлении хронологических описаний периодов правлений аймаков Монголии различными князьями. Известно, например, сочинение «Генеалогические таблицы и хронологическое описание деяний

¹См. о нем подробнее: Пан Т.А. Маньчжуро-монгольский диплом, выданный жене монгольского аристократа (из коллекции ИВР РАН) // ППВ, 1(20), 2014, с. 38-44.

правителей аймаков внешней Монголии и Туркестана» (маньчж. *Hesei tokto buha tulergi monggo hoise aiman-i wang gung-i iletun ulabun*, монг. *Jarliy-iyar toytu yaqsan yadayadu Mongyul, qotung ayimay-un wang gung-üüd-ün iledkel šastir*). Кроме того, они являются подлинным свидетельством отношения цинского правительства к заслугам своих подданных и подтверждением поощрения их лояльности двору.

Петрова М.П.

Проблемы современного монгольского социума в романе Г.Аюурзаны «Пульсация»

Новый роман одного из самых знаменитых и читаемых сегодня в Монголии писателей Г.Аюурзаны «Пульсация» («*Судасны чимээ*»¹) является отчасти продолжением его предыдущего романа «Белый, чёрный, красный» («*Цагаан, хар, улаан*»²). Один из второстепенных героев предыдущего произведения становится главным героем следующего. Этот литературный приём характерен для творчества Г.Аюурзаны. Мы можем наблюдать его и в постмодернистской трилогии автора, в которую вошли такие романы, как «Мираж» («*Илбэ зэрэглээ*»³), «Долг в десять снов» («*Арван зүүдний өр*»⁴) и «Рождённые эхом» («*Цуурайнаас төрөгсөд*»⁵).

Все темы его книг, с одной стороны, касаются современного общества, а с другой - уходят своими корнями в историческое прошлое и традицию монгольского народа. На страницах произведений Г.Аюурзаны – и роман «Пульсация» - не исключение – настоящее и прошлое не просто постоянно сталкиваются, но активно взаимодействуют друг с другом. Один из главных персонажей Мэндэ, например, занимается продажей антиквариата. Человек, увлечённый своим делом, он готов на опасные авантюры ради того, чтобы заполучить ту или иную редкую вещь. Приключения Мэндэ начинаются на страницах романа «Белый, чёрный, красный» и находят продолжение и завершение в «Пульсации».

Другой герой романа Наса – хозяин небольшого кино клуба, где демонстрируются шедевры мирового кинематографа. Там собираются любители музыки «Битлз» и других более современных музыкальных групп. В «Пульсации» описываются глубокие чувства Наса к девушке по имени Сэндэр, их отношения, длившиеся всю жизнь.

Название романа тоже, естественно, не случайно. Аюурзана затрагивает вопросы народной медицины, проблемы врачей, целителей, костоправов. Автор сравнивает методы диагностики и лечения, применяемые в медицине европейской, «научной» и народной.

Перед читателем «Пульсации» возникает пёстрый портрет современной эпохи, равно как и описание образа существования (во всех возможных смыслах) человека, живущего в Монголии в начале XXI века. Биение пульса каждого из героев складывается в романе в живую пульсацию сегодняшнего социума. Аюурзана – самый интеллектуальный современный монгольский писатель. Он никогда не повторяется.

Попов А.В.

Административное устройство приграничных территорий России и Империи Цин в Забайкалье и Северной Монголии в XVIII - середине XIX в. (опыт сравнительного анализа)

¹ Аюурзана Г. Судасны чимээ. УБ., 2015.

² Аюурзана Г. Цагаан, хар, улаан. УБ., 2014

³ Аюурзана Г. Илбэ зэрэглээ. УБ, 2003.

⁴ Аюурзана Г. Арван зүүдний өр. УБ, 2005.

⁵ Аюурзана Г. Цуурайнаас төрөгсөд. УБ, 2007.

Кяхтинский и Буринский договоры (1727 г.) установили пограничные рубежи между Российской и Цинской империями в Забайкалье и Северной Монголии. При этом население забайкальских территорий, состоявшее в основном из бурят, а также из эвенков и монголоязычных табангутов, оказалось по русскую сторону границы, а кочевавшие в Северной Монголии халхасцы – по цинскую. Впрочем, упомянутые договоры не сформировали, а лишь юридически закрепили уже существовавшие к моменту их подписания политические и административные реалии, определившие коренных жителей Забайкалья и Северной Монголии в подданные к двум разным государям – русским царям и цинским императорам. Подчинение бурятских племен российской власти началось в 1620-е гг. и в основном завершилось к исходу XVII в. Оно произошло отнюдь не сразу и лишь эпизодически было добровольным. Что касается халхаских аймаков, то их правители впервые присягнули на верность цинскому императору Канси в 1655-1656 гг. Однако в полной мере Империя Цин распространила политический и административный контроль на Северную Монголию в 1691 г. после неудачной для халхасцев войны с западномонгольским Джунгарским ханством.

Пограничное размежевание 1727 г. стало важной вехой на пути интеграции Прибайкалья в состав России, а сопредельных с ним северомонгольских регионов – в состав Цинского Китая. Но следует заметить, что в российском и цинском вариантах подход к решению проблем упомянутой интеграции имел в основе совершенно разный опыт государственного строительства и формировался под влиянием неодинаковых, а порой и полярно противоположных политических воззрений и идеологических концепций. Что касается России, то во взглядах представителей ее верховных властей в XVII – начале XVIII в. значение забайкальских владений определялось стремлениями к освоению новых сибирских «землиц», экономический потенциал которых считался источником средств для пополнения казны и развития торговли, а местные обыватели должны были увеличить число царских подданных. Важным стимулом к утверждению российской администрации в Забайкалье выступала возможность обложения здешнего населения ясаком – натуральной податью в виде ценной пушнины, которой был богат этот край. По словам С.В. Бахрушина, «при крайней примитивности тогдашних финансов, слабом развитии денежного оборота и полном почти отсутствии торгового кредита, сибирские меха, поступавшие в казну, являлись не только одним из наиболее крупных средств для поддержания колеблющегося московского бюджета, но и одним из важнейших факторов торговой жизни государства».¹ Помимо этого в XVII – XVIII в. в представлениях центральных и сибирских российских властей Забайкалье выступало важным плацдармом для налаживания торговых и политических связей с Китаем.

Что касается цинской доктрины управления Северной Монголией, то ее цели коренным образом отличались от приоритетов российской политики в Забайкалье. Монгольское население не рассматривалось цинской администрацией как объект фискального обложения, способного умножить доходы казны. Халхасцы с конца XVII и до конца XIX в. прежде всего интересовали маньчжурскую династию в качестве мощной вооруженной силы, которая при учреждении над ней твердого и разумного руководства могла бы содействовать империи в поддержании внутренней стабильности и в проведении активной внешней политики. В мирное время северные монголы состояли в постоянно боеготовом ополчении, исполняли наряды на казенный извоз, охраняли северные государственные границы. Сформированные из них воинские контингенты многократно вставали под цинские знамена во время войн, которые в XVIII в. империя вела за расширение своих западных и северо-западных пределов. При этом важным аспектом цинской теории управления Халхой вплоть до начала XX в. оставался тезис о необходимости изоляции ее населения от любых

¹ Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. II. Пгр., 1922. С. 44-45.

внешних воздействий, несущих опасность подрыва традиционного уклада монгольской жизни, будь то воздействия, исходившие от подвластного маньчжурской династии Китая или от лежавшей вне пределов ее господства России.

Расхождения между российскими и цинскими властями в представлениях о рациональном управлении сопредельными приграничными регионами в XVIII – первой половине XIX в., казалось бы, с неизбежностью должны были привести к существенным отличиям в построении административной системы по обе стороны границы. В действительности же арсенал методов и средств, применявшихся обоими государствами для решения многоплановых задач по налаживанию системы управления находившимися под их юрисдикцией бурятскими и халхаскими «кочевыми инородцами», не отличался принципиальным разнообразием.

Россия в Забайкалье и Империя Цин в Северной Монголии независимо друг от друга и каждая в собственных интересах проводили политические и административные реформы, в особенностях которых прослеживается немало сходных черт. В Российской Империи «надзор по статской и военной части» за состоянием дел на забайкальских территориях с бурятским населением был поручен чиновникам губернских канцелярий, воеводам и приказчикам. В цинском бюрократическом аппарате, отвечавшем за положение в Халхе, подобные обязанности были возложены на генерал-губернаторов (цзянзюней) и императорских наместников (амбаней). Но и в том, и в другом случае, определяя пути интеграции отдаленных окраин в состав огромных многонациональных государств, их центральные власти стремились, там и тогда, где это, с их точки зрения, было возможно, опереться на местную общественную верхушку. Сотрудничество бурятской и халхаской кочевой аристократии – каждой со «своими» правительственными инстанциями позволяло последним постепенно расширять отвечавшее их интересам административное, хозяйственное и социальное переустройство приграничных территорий и тем самым привести местное население «к покорности». Условием, обеспечивающим возможность к такому сотрудничеству, выступало использование российскими властями традиционных бурятских, а цинскими халхаских форм политической и социальной организации в качестве исходных элементов при строительстве новых вертикально интегрированных административных структур. В Бурятии за предводителями племен (нойонами) были сохранены наследственные права управления улусами. Аналогичным статусом в северомонгольских хошунах были наделены владетельные князья (дзасаки). При этом и те, и другие пользовались известной автономией в сфере судебной власти над подчиненным им населением и в области регулирования складывавшихся в его среде имущественных, семейных и хозяйственных отношений. В адресованном бурятам российском, а халхасцам цинском законодательстве были установлены запреты на самовольный «выход» из улусов и хошунов приписанных к ним людей.

В равной степени, традиционные бурятские и халхаские судебные и распорядительные институты действовали на более высоких, чем местный, уровнях административной вертикали. Речь идет о сугланах и чуулганах – сеймах или собраниях соответственно бурятских и халхаских нойонов и князей. В их компетенцию входило распределение податей и повинностей и решение судебных тяжб, возникавших в Бурятии между улусами, а в Северной Монголии между хошунами. Помимо того свойственные бурятским и халхаским политиям образцы военной организации (точнее, самоорганизации) использовались в России и Цинской Империи как важная составляющая в системе охраны и обороны государственных границ.

С учетом упомянутых обстоятельств, вполне естественным представляется тот факт, что обычное и писаное бурятское и монгольское право стало важным источником при формировании и совершенствовании норм российского и цинского законодательства, посвященных гражданскому, военному и судебному управлению «инородцами», населявшими Забайкалье и Северную Монголию.

Эволюция традиционных бурятских и халхаских форм социального и политического устройства в XVIII – первой половине XIX в., хотя и происходила параллельно, но также подчинялась в принципе сходным закономерностям. В то время в Забайкалье и Северной Монголии влияние местных традиций на все сферы общественной жизни стало постепенно замещаться мощными идеологическими, правовыми, экономическими и административными воздействиями двух огромных империй. Впрочем, с учетом отмеченного выше несовпадения российских и цинских политических интересов, характер этих воздействий и их последствия, очевидно проявившиеся уже в конце XIX – начале XX в., в каждом из рассмотренных нами случаев оказались совершенно разными. Бурятия стала частью многонациональной России, халхаские же территории с их населением составили основу независимого монгольского государства.

Если теперь, подводя итог сказанному, задаться вопросом о причинах, по которым в сопредельных пограничных регионах таких столь непохожих государств, как Россия и Империя Цин, в интересующий нас период происходили напоминавшие друг друга административные реформы, то ответ на поставленный вопрос следует искать с учетом двух основных соображений. Во-первых, оба государства в XVIII – первой половине XIX в., создавая административную систему, способную распространить их юрисдикцию на Забайкалье и Северную Монголию, каждое в отдельности действовали во многом аналогичными способами и весьма осторожно вносили необходимые им коррективы в традиционное течение бурятской и халхаской социальной жизни. В тот период как российские, так и цинские власти вряд ли располагали иными возможностями к тому, чтобы наладить отвечавшее их интересам управление приграничными территориями и не провоцировать в этой сфере неразрешимых конфликтов с местным населением. Во-вторых, этногенетическая близость и длительное соседство бурят и халхасцев сформировали исторические предпосылки, обеспечившие сходство многих черт их общественного уклада. Поэтому российские и цинские власти по обе стороны границы объективно оказались в похожих условиях, что вынудило их применять более или менее одинаковые средства для достижения разнонаправленных политических целей, которые одни преследовали в Забайкалье, а другие в Северной Монголии.

Сизова А.А.

«Абхидхармакоша-карика» Васубандху на монгольском языке: терминология перевода

«Абхидхармакоша» — известный трактат по буддийской философии, авторство которого приписывается ученому Васубандху (IV–V вв.). Трактат состоит из двух сочинений, первым из которых является «Абхидхармакоша-карика», стихотворный текст, состоящий из 600 строф (*карик*). Вторая его составляющая — «Абхидхармакоша-бхашья», автокомментарий к карикам, написанный в прозаической форме.

С санскритского оригинала трактат дважды переводился на китайский язык. Сохранились до нашего времени и введены в научный оборот фрагменты переводов с китайского языка на уйгурский и тохарский Б. Тибетский перевод «Абхидхармакоши» с санскрита был осуществлен в ранний период распространения буддизма (до середины IX в.) и впоследствии включен в состав тибетского буддийского канона. В 1741–1749 гг. была проведена переводческая и редакторская работа по подготовке ксилографического издания монгольского Данджура. Таким образом появился перевод «Абхидхармакоши» на монгольский язык. Среди упомянутых переводов с санскрита на другие восточные языки монгольский текст является самым малоизученным: академические публикации отсутствуют, оригиналы ксилографических изданий находятся в Монголии, КНР и Японии и труднодоступны для исследования. Единственный известный мне список перевода «Абхидхармакоши» хранится в монгольском фонде Отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (шифр С 495). Список является неполным и включает в себя текст *карик*

и небольшую часть текста *бхаши*. Рукопись поступила в коллекцию Азиатского музея (ныне — ИВР РАН) от Монгольского Ученого комитета в 1928 г.

В докладе представлены предварительные результаты изучения монгольского текста «Абхидхармакоша-карика» (монг. *He nom-un sang-un üges-i бүлүглегсен*) на основе данного списка. По своему типу перевод является дословным и ничем не выделяется в массиве текстов, созданных в русле монгольской переводческой традиции XVIII в. Наибольший интерес для исследования представляет строгая система использованных в переводе терминов, без которой трансляция смыслов столь сложного философского текста не была бы возможной. Монголоязычная терминология *абхидхармы* была оформлена в качестве единой системы и изложена в третьем разделе известного словаря «Источник мудрецов», легшего в основу процесса работы над монгольским Данджуром. Сопоставление материала словаря с монгольским текстом *карик* показывает, что переводчик «Абхидхармакоши» неукоснительно придерживался изложенной в «Источнике мудрецов» системы терминов, и позволяет сделать некоторые выводы о принципах формирования монголоязычной терминологии *абхидхармы* и особенностях ее функционирования в тексте.

Скрынникова Т.Д., Селюнина Д.Д.

Концепт *sui* в политической культуре монголов XVII в.

Концепт *sui* является одним из главных сакральных терминов, имевших большое значение в легитимации права лидера на верховную власть в монгольском обществе. Идеи, сформулированные в эпоху Монгольской империи, актуализировались в период активного возвращения монголов на политическую арену в XVI–XVII вв.

Источниками, на которых основывается анализ, являются два памятника монгольской литературы XVII века: летопись *Шара туджи*, написанная, как предполагают исследователи, в Халхе, и жизнеописание Алтан-хана *Эрдэнийн тунумал нэрэту судур*, созданное в Южной Монголии. Обе эти территории являлись частью политической структуры *Великого улуса* или *Великого улуса шести тумэнов*, который не являлся фиктивным сообществом. Владения Алтан-хана находились поблизости от территории всемонгольского хагана, а Халха была одним из принадлежавших борджигинам туменов левого крыла, который получил во владение Гэрэсэндзэ — младший сын Даян-хагана. Тумэн Дзасакту-хан включил халхаского Уйцзан Субудана в сформированное им для объединения шести туменов управление, основанное на разделении их на западные и восточные. Этот статус Халхи, как части Монголии, регистрируется не только внешним источником, но и летописью, составленной в самой Халхе (*Шара туджи*). Она содержит сведения обо всех общемонгольских хаганах, от Бату Мункэ Даян-хагана до Лигдан-хагана, часто с уточнением, что они получили свой титул перед белой юртой. Кроме преемственности верховной власти хаганов в этой летописи, как и в других, перечисляются все сыновья Даян-хана и их потомки, что, безусловно, моделирует границы общемонгольской идентичности через генеалогию борджигинов — потомков Чингис-хана. В связи с важностью принадлежности претендента на всемонгольский трон к Золотому роду борджигинов отмечается и использование концепта *sui* в тексте *Шара туджи*.

Именно обладание претендентом сакральной субстанцией *sui* позволяет ему быть правителем всех монголов. Прежде всего, это, конечно, Чингис-хан, который обозначается как *dayiming sutu boyda činggis qayan*; Тогон-тайши признает: «*či sutu bolqula*». Легитимным признается последний всемонгольский хаган, обладавший харизмой — *linden qutuy-tu sutu činggis dayiming sečen*. К избранным допускается и жена Чингис-хана — *börte sečen sutai tayiqu*. Претензии Тогон-тайши, ссылавшегося на то, что среди его предков была женщина, обладавшая харизмой (*bi sutai-yin üre*,

eme sutai-yin üre bi) не только не признаются легитимными, но и он гибнет за попытку сесть на всемонгольский трон.

В жизнеописании Алтан-хана (*Эрдэнийн тунумал нэрэту судур*) концепт *suu* встречается в том же контексте, что и в *Шара туджи*: он подтверждает легитимность правителей на верховную власть. «Темучжин, который прославился как харизматичный Чингис-хан» (*Temüjin suu-tu Cinggis Qayan kemen aldarsiysan*), «харизматичный Чингис-хан» (*suu-tu Cinggis Qayan*), «белые юрты, обладающие харизмой хана (*qan suu-tu cayan ger*), Хубилай – «Всесильный Богдо Сэцэн-хаган, обладающий харизмой» (*erketii boyda suu-tu Secen Qayan*) – легитимные верховные правители Монголии. Среди них оказался и Алтан-хан, обладатель великой харизмы (*suu jali yeketii Altan Qayan*). Безусловно, традиция приписывает Алтан-хану исключительность и обладание сакральной субстанцией, что объясняется его выдающимися заслугами, и присваивает ему титул – *suu-tu* (обладающий харизмой: *Altan Qayan-dur Suu-tu cola soyurqabai*). Алтан-хан не был примогенитурным потомком Золотого рода, но его деятельность выделила его среди других монгольских князей, а в политической культуре нашелся инструмент, способный подчеркнуть его исключительность. Несмотря на буддийскую направленность жизнеописания, рождение Алтан-хана связывается с Небом, как и рождение Чингис-хана: «Рожденный волей Высшего Неба, Владыка всего мира Богда Алтан-сэцен-хаган» (*Deger-e tngri-yin jayaγ-a-bar törögsen . Delekei dakin-u ejen boyda altan secen qayan*). Здесь мы наблюдаем «парад» маркеров, отмечающих исключительность тумэтского Алтан-хана: *qayan*, *boyda*, владыка вселенной. Алтан-хан, как и другие легитимные верховные правители Монголии, мог выполнять гармонизирующую функцию в своем социуме и во всем мире благодаря обладанию им сакральной субстанцией, выраженной концептом *suu*.

Туранская А.А.

Специфика монгольского перевода стихотворных фрагментов «Гурбума» Миларэпы

Тибетский агиографический сборник «Сто тысяч песнопений» Миларэпы (1040-1123), известный также под кратким названием «Гурбум», был переведен на монгольский язык в первой четверти XVII в. известным переводчиком буддийских текстов Ширегету Гуши Цорджи (монг. *Širegetü güši čorji*, XVI-XVII вв.).

Текст тибетского сочинения, с которого был осуществлен перевод, состоит из многочисленных ритмизированных вставок, гуров, которые заключены в рамки прозаического текста, содержащего объяснения обстоятельств их исполнения. Именно эти стихотворные фрагменты тибетского оригинала представляли наибольшую сложность для перевода на монгольский язык.

Гуры в тибетском тексте «Гурбума» организованы в замкнутые по форме и содержанию строфы (тиб. *sho lo ka*), которые включают от трех до тринадцати равносложных (силлабических) строк (тиб. *tshig rkang*). В основном для гуров характерен семи-девятисложный размер, состоящий из трех или четырех хореических стоп, за которыми следует усеченная стопа, хотя встречаются и другие стихотворные размеры.

На момент перевода «Гурбума» в Монголии существовала традиционная система стихосложения. Организующим средством версификации монгольской поэзии являлась особая форма аллитерации зачинов строк. Синтаксически законченные и семантически цельные четырехстрочные строфы представляли собой традиционную композиционную норму монгольского стиха вплоть до начала XX в.

Использование Ширегету Гуши Цорджи традиционной для монголов аллитерации, призванной обозначать границы между ритмическими рядами, приводило к тому, что строфы тибетских гуров (кроме тех, что состояли из четырех строк) при переводе на монгольский язык зачастую теряли

идейно-тематическую законченность, а в перевод добавлялись строки, которых не было в тибетском оригинале. Аллитерация строилась с помощью добавления слов, по большей части прилагательных и наречий, отсутствующих в тибетском тексте, которые, как правило, не меняли семантику тибетского оригинала, а лишь придавали тексту дополнительную экспрессию.

Доклад посвящен описанию переводческих приемов Ширегету Гуши Цорджи и анализу некоторых содержательных и формальных характеристик исходного тибетского поэтического текста, которые были утеряны в монгольском переводе.

Уртнасан Д.

Монгол хэлний гурав, дөрвөн үет үгийн балархай эгшиг

Энэхүү судалгаа нь монгол хэлний гурав, дөрвөн үет үг дэх эгшиг балархайшлыг судалж балархай эгшгүүдийн дууны өнгийг тодорхойлох зорилготой. Үүний урд гарсан судалгаа нь хоёр үет үгийн эгшиг балархайшлын тухай байсан бөгөөд тэрхүү эгшиг балархайшилд нөлөөлөх авиа зүйн орчныг судлах зайлшгүй шаардлага урган гарсан юм. Авиа зүйн орчин гэдэг нь өргөн ойлголт тул энэ удаа зөвхөн эгшиг балархайшилд нөлөөлөх үеийн тоо, үеийн байртай холбогдуулж балархай эгшгийн тухай авч үзэв.

Тус судалгааны туршилтын дуу бичлэгийн ажил нь авиа судлалын лабораторид явагдаж, туршилтад төв халх аялгуугаар ярьдаг эрэгтэй 6, эмэгтэй 6 оюутан оролцлоо. Туршилтад оролцсон эмэгтэйчүүдийн нас 20-30 буюу дундаж нас 25, эрэгтэйчүүдийн нас 20-33 буюу дундаж нас 30, нийт туршилтад оролцогчдын дундаж нас 27 байв. Туршилтад оролцогчдын нас туршилтын үр дүнд нөлөөлдөг учир ойролцоо насны хүмүүсийг сонгов. Дуу бичлэгийн ажлын үр дүнд нийт (8 үг*6 удаа*12 хүн = 576 үг) дууны файлыг бэлдэн авч авиа задлалдаа хэрэглэв. Дуу бичлэгт Shure Beta 87A вокал микрофон, Sound Devices USB Pre 2 аудио интерфэйс зэрэг дуу бичлэгийн хамгийн сүүлийн үеийн тоног төхөөрөмжийг ашиглалаа.

Туршилтын авиа задлалын ажилд дуун ухаанд тулгуурсан сүүлийн үед олон хэлний эгшгийн судалгаанд хэрэглэж буй аргыг ашиглав. Энэ арга нь эгшгийн формант (formant←F1-хэлний өндөр, нам; F2-хэлний урдуур, дундуур, хойгуурх байр, F3-уруулын хэлбэр, F4...) -ыг хэмжих арга бөгөөд, энэхүү хэмжилтийг хэлний авиа задлалд зориулсан ‘Праат 5.3.51’ программ (‘Praat 5.3.51’) дээр хийлээ.

Гурав, дөрвөн үет үгийн эгшиг балархайшлыг авч үзэхийн тулд гурван үет 4 үг ба дөрвөн үет 4 үгийг туршилтын үгээр сонгов. Гурав, дөрвөн үет үгийн 1 дүгээр үед /e/-э, /a/-а, /ɔ/-о, /ʊ/-ө¹ гэсэн 4 үндсэн эгшиг илэрч мөн тухайн үгийн дараах үеүдэд эдгээр 4 эгшгийн балархайшсан эгшиг илэрнэ. Туршилтын үг тус бүрийн үе болгон адил эгшигтэй бөгөөд дөрвөн үет үг нь гурван үет үгийн туршилтын үгэнд тийн ялгалын нөхцөл залгаж бүтсэн үгс юм.

(1) Гурван үет үгийн туршилтын үгс

/sertekset/	‘сэрдэгсэд’
/tarɣaksat/	‘дарлагсад’
/tɒntʰaksɒt/	‘донтогсод’
/ʊrtʰuksɒt/	‘өртөгсөд’

(2) Дөрвөн үет үгийн туршилтын үгс

/serteksetet/	‘сэрдэгсэдэд’
---------------	---------------

¹ Тус монгол хэлний эгшгийн ‘РА’ галиг нь Д.Уртнасан “Монгол хэлний эгшиг балархайшлын тухай туршилт авиа зүйн судалгаа”, 2014 он, БНСУ, Сөүлийн Их Сургууль, Хэл шинжлэлийн ухааны докторын зэрэг горилсон бүтээл (“몽골어 모음약화에 관한 실험음성학적 연구”. 서울대학교 언어학과)-д хийсэн галиг юм.

/tarɮaksatat/	‘дарлагсдад’
/tɔntʰɔksɔtɔt/	‘донтогсдод’
/ɔrtʰɔksɔtɔt/	‘өртөгсдөд’

Монгол хэлний эгшгүүдээс /i/, /o/, /u/ эгшиг нь үе олонтой урт үгэнд дараалан гарч ирэх тохиолдол байхгүй учир энэ туршилтад /e/, /a/, /ɔ/, /ʊ/ эгшгийг л судалгааны судлагдахуунаар авч үзлээ. Туршилтын үгсийн 1 дүгээр үеийн эгшгийн дууны өнгөд үндэслэж үгийн 2 дугаар үе, 3 дугаар үе, 4 дүгээр үеийн эгшгийн дууны өнгийг харьцуулан задлав.

Гурван үет үгийн эгшгийн формантыг харьцуулсан задлалыг хийхдээ статистик тооцооллын Фридман үнэлгээг ашиглаж, утгын түвшин буюу р-утга¹ 0.05-аас бага байвал утгатай ялгаа² байна гэж үзэв. Статистик задлалаар гурван үет үгийн үе бүрийн тус бүр эгшгүүд үеийн байраа дагаж дууны өнгийн хувьд утгатай ялгаатай буюу ‘р’-утгаар илэрлээ. Тиймээс эгшиг тус бүр чухам аль үетэйгээ дууны өнгийн утгатай ялгаатайг мэдэхийн тулд 3 зүйлийг харьцуулдаг эцсийн харьцуулалт³ (post-hoc comparison) хийлээ. Эцсийн харьцуулалтыг Вилкоксын үнэлгээгээр хийж, Бонферрони алдаа хянах нарийвчлалаар утгын түвшин ($>0.05/3=0.016$)-ийг ашиглав. Эцсийн харьцуулалтын үр дүнд, /e/, /a/, /ɔ/, /ʊ/ эгшиг нь үгийн 1 дүгээр үе ба 2 дугаар үе, 1 дүгээр үе ба 3 дугаар үе, 2 дугаар үе ба 3 дугаар үетэй утгатай ялгаатайгаар илэрлээ.

Үгийн үеийн тоо ихсэх тусам балархай эгшгийн илрэх байдал хэрхэн өөрчлөгдөж буйг тогтоохын тулд дөрвөн үет үгийг мөн задаллаа. Гэхдээ спектрограм дээр дөрвөн үет үгийн 3 дугаар үеийн эгшгийн формант илрэхгүй (эгшиг гээгдсэн) тохиолдол дийлэнх учир тэр 3 дугаар үеийн эгшгийг статистик задлалаас хасав.

Статистик задлал нь үгийн 1 дүгээр үе, 2 дугаар үе, 4 дүгээр үеийн эгшгүүдэд хамаарах бөгөөд мөн адил гурван үет үгэнд хийсэн статистик аргыг ашиглав. Үр дүнд, үгийн 1 дүгээр үе, 2 дугаар үе, 4 дүгээр үеийн эгшгийн өнгө үеийн байраа дагаж дууны өнгө нь хоорондоо өөр өөр илрэв. Үүний дараа эдгээр 1 дүгээр үе, 2 дугаар үе, 4 дүгээр үеийн эгшгүүд чухам аль үетэй утгатай ялгаатайг мэдэхийн тулд эцсийн харьцуулалтыг хийв. Эцсийн харьцуулалтын үр дүнгээр, /e/, /a/, /ɔ/, /ʊ/ эгшиг үе болгонд дууны өнгийн утгатай ялгаатай буюу ‘р’-утгаар илэрлээ.

Дээрх харьцуулсан формант харвал гурван үет үгийн 3 дугаар үеийн балархай эгшиг ба дөрөвдүгээр үеийн балархай эгшгийн дууны өнгө нь адилхан илэрснийг харж болно (зураг 5). Энэ нь үг уртсахад эгшиг гээгдэх үзэгдэл үүсэж байгаа ч гурван үет үг ба дөрвөн үет үгийн төгсгөлийн үеийн эгшиг балархайшил нь адил түвшнээр үүсэж байна гэсэн үг юм. Үүнийг нягталж үзэхийн тулд гурван үет үгийн 3 дугаар үе ба дөрвөн үет 4 дүгээр үеийн эгшгийг харьцуулсан статистик задлалыг хийлээ. Үр дүнгээр, эдгээр төгсгөлийн үеийн эгшгүүд нь (F1 -ээр ялгаатай гарсан уруулын /ʊ/ эгшиг, F2 -оор ялгаатай гарсан уруулын /ɔ/ эгшгээс бусад нь) бүгд адил дууны өнгөөр илэрч байгаа нь нотлогдлоо. Түүний дараа гурван үет үг ба дөрвөн үет үгийн 2 дугаар үеийн балархай эгшгүүдийг харьцуулахад /a/ эгшиг нь F2-ийн утгатай ялгааг эрэгтэй өгүүлэгчийн тохиолдолд харуулснаас бусдаар эдгээр эгшгүүд нь F1-ийн утгатай ялгааг эмэгтэй өгүүлэгчийн тохиолдолд харуулж, адил дууны өнгөтэй болох нь тогтоогдлоо.

Тус судалгаагаар үеийн тоо болон үеийн байраас шалтгаалж балархай эгшгийн өнгө хэрхэн өөрчлөгдөж буйг тогтоов. Хоёр үет үгийн балархайших орчинд р-утгаар балархайшаагүй /e/-э, /ʊ/-ө

¹ ‘р’-утга (probability value) - итгэх магадлалын утга гэсэн статистик нэр томьёо. Статистик судалгаанд тэг таамаглал болон түүний эсрэг өрсөлдөгч таамаглал дэвшүүлээд алийг нь үнэн эсэхийг шалгахад тооцдог магадлал, өөрөөр хэлбэл дэвшүүлж байгаа таамаглал батлагдах магадлал юм.

² “Утгатай ялгаа” гэдэг нь хэдийгээр формантуудын хувьд ялгаа байвч статистик тооцооллоор итгэх магадлал нь утгагүй гарвал түүнийг ялгаа гэж үзэхгүй, харин утгатай гарвал үнэмшиж болох ялгаа буюу ялгаатай нь үнэн гэсэн ‘р’-утга юм.

³ Нэгэнт ялгаатай гэж гарсан үр дүнг тэр ялгаанууд нь чухам хаанаа байна гэдгийг эцэслэн тогтоодог харьцуулалтын арга юм. Жишээлбэл: 1, 2, 3 өөр хоорондоо ялгаатай бол тэр ялгаа 1, 2-ын хооронд байна уу; 2, 3-ын хооронд байна уу; 1, 3-ын хооронд байна уу гэх мэтээр нарийвчилж ялгааг тодорхойлно.

нь гурван үет үгэнд р-утгаар балархайшив. Гурван үет болон дөрвөн үет үгийн балархай эгшгүүд бүгд хэлний төв (хэлний байр-дундуур, хэлний өндөр-дунд зэрэг байдал) рүү чиглэж р-утгаар балархайшив. Мөн гурван үет үг, дөрвөн үет үгийн 2 дугаар үеийн балархай эгшгүүд хоорондоо, мөн эцсийн үеийн балархай эгшгүүд нь хоорондоо адил байдлаар балархайшдаг байна.

Ямпольская Н. В.

К вопросу о тибетских источниках монгольского ксилографического Ганджура (на примере сутры Аштасахасрика Праджняпарамита)

Монгольский перевод тибетского собрания священных буддийских текстов Ганджур (тиб. *bka' 'gyur*; монг. *ganjuur*) известен в нескольких рукописных списках и одной печатной редакции. В монголоведении принято говорить об одной «рукописной редакции» 1628–29 гг. — Ганджуре Лигдэн-хана (хотя исследования последних лет показывают, что дошедшие до нас списки имеют некоторые отличия в структуре и содержании).

Печатная редакция Ганджура на монгольском языке была издана в Пекине в 1718–20 гг. в правление императора Канси. Опираясь на анализ колофонов и текстов этого издания, исследователи полагают, что при его подготовке за основу был взят один из списков редакции Лигдэн-хана 1628–29 гг. Что касается тибетского издания, на которое опиралась редакционная коллегия 1718–20 гг., по мнению исследователей, им было Пекинское издание Ганджура Канси на тибетском языке 1684–92 или 1700 гг. (оба издания отпечатаны с одних и тех же ксилографических досок). Однако, учитывая объём этого многотомного сборника и разнородность текстов в его составе, следует с осторожностью говорить о преемственности упомянутых тибетской и монгольской редакций, так как результаты анализа отдельных сочинений в их составе указывают на более сложную картину. Примером может служить сутра Аштасахасрика Праджняпарамита (том 46 в монгольском издании Канси).

На сегодняшний день известно восемь монгольских переводов сутры Аштасахасрика Праджняпарамита. Перевод, вошедший в редакцию Ганджура 1628–29 гг., выполнен одним из членов редакционной коллегии этого издания — знаменитым переводчиком Самданом Сентге. В редакцию Канси 1720 г. вошёл другой перевод сутры, авторство которого на сегодняшний день нельзя считать установленным. Есть основания полагать, что автором этого перевода является член редакционной коллегии 1720 г., видный деятель своего времени — уратский лама Билигун Далай (монг. *bilig-ün dalai*; тиб. *shes rab rgya mtsho*), однако в отсутствие прямых доказательств его авторства предпочтительно говорить об этом переводе как об анонимном.

Сравнительный анализ монгольских переводов сутры выявил различия в структуре и содержании их текстов, позволяющие ответить на вопрос о том, почему при подготовке издания Ганджура 1720 г. перевод Самдана Сентге был заменён на другой. Перевод Самдана Сентге относится к группе «ранних» переводов сутры Аштасахасрика Праджняпарамита, датируемых первой половиной XVII в., которые были основаны на неизвестных сегодня тибетских версиях сутры (судя по данным из монгольских колофонов, эти версии восходят к утраченному на сегодняшний день тибетскому переводу сутры Аштасахасрика Праджняпарамита VIII в. авторства Шантаракшиты). Различия между «ранними» монгольскими переводами сутры и её тибетской версией в составе Ганджура Канси 1684–92 (или 1700) гг. весьма существенны, вплоть до несоответствий фрагментов длиной в несколько предложений. Эти различия неизбежно были бы выявлены при сверке текста рукописной редакции монгольского Ганджура, содержавшей перевод Самдана Сентге, с тибетским изданием, что и должно было послужить причиной для включения в состав монгольского Ганджура 1720 г. другого перевода сутры Аштасахасрика Праджняпарамита.

Таким образом, говоря о том, что редакция 1628–29 гг. была взята за основу при составлении издания 1720 г., следует учитывать, что в неё были внесены изменения вплоть до замены одних переводов другими.

Однако сопоставление текста анонимного монгольского перевода сутры Аштасахасрика Праджняпарамита в составе редакции 1720 г. с тибетским текстом в составе Пекинской редакции Канси говорит о том, что этот монгольский перевод был отредактирован в соответствии с другим тибетским изданием. Различия, указывающие на этот факт, очень малы и могут быть выявлены только путём детального сличения монгольского текста и нескольких тибетских версий. На сегодняшний день не существует исследования, посвящённого различным тибетским версиям сутры Аштасахасрика Праджняпарамита. Выборочное сличение нескольких тибетских версий (издания сутры в Ганджурах Канси, Чонэ, Лхаса, Дерге, Урга, Нартан и списке монастыря Тог) позволяет говорить о том, что эти тибетские версии практически идентичны. Так, сличение текста 30 главы сутры в тибетских версиях Канси и Дерге с монгольским переводом в составе Ганджура Канси обнаружило всего 10 различий, не выходящих за пределы одного слова или частицы. Однако эти различия определённо говорят о том, что монгольский текст ближе к версии Дерге (поскольку издание Дерге датировано 1733 г., это означает, что монгольский текст опирается на более раннее издание или список, близкие Дерге). Это наблюдение позволяет утверждать, что при подготовке монгольского издания Ганджура Канси 1718–20 гг. не все тексты были выверены по тибетскому изданию Ганджура Канси 1684–92 (или 1700) гг.

Итак, пример истории одного текста в составе монгольского Ганджура показывает, что вряд ли возможно делать обобщения касательно работы над той или иной монгольской редакцией этого сборника. Создание каждой редакции следует рассматривать как сложный процесс, в ходе которого мог быть использован целый ряд тибетских и монгольских источников.

Яхонтова Н.С.

Имена собственные и «именования» в ойратском переводе «Сутры золотого блеска»

Ойратский перевод краткой редакции (21 глава) «Сутры золотого блеска» был выполнен Зая-пандитой Намхайджамцо (1599-1662) с тибетского текста, который, в свою очередь, является переводом с санскрита. Хорошо известны особенности переводов, выполненных этим прославленным политическим и религиозным деятелем, – стремление строго следовать тибетскому оригиналу и переводить каждый его элемент. Его отличает упорядоченное употребление грамматических форм и лексики, ориентированное на взаимно однозначное соответствие ойратских форм и слов с тибетскими. Количество имен собственных в тексте Сутры превышает 150, и они встречаются во всех главах, кроме шестой. Среди имен – имена будд, татхагат, бодхисаттв, якшей, нагов, гандхарв, ханов, принцев, некоторые географические названия (например, Ганг, Сумеру, Джамбудвип). Имена собственные, которые часто являются сложными, состоящими из нескольких слов (от двух до тринадцати), в подавляющем большинстве случаев переведены на ойратский, что повторяет их передачу в тибетском, где за редким исключением они также буквально переведены с санскрита. В отличие от ойратского и тибетского, в анонимном переводе той же редакции на монгольский из Ганджура большая часть имен собственных является записью санскритских слов, а не их переводом, всегда переведены только имена, состоящие из трех и более слов. Для понимания текста перевод имен собственных, как это сделано Зая-пандитой, представляется более удачным, потому что они несут определенную информацию, которая сохраняется только при переводе. Для монголоязычного читателя, не владеющего санскритом, например, имя якши (женского пола)

«Свирепая» (ойр. kitoun eme, тиб. gtum mo) – перевод санскр. saṇḍālikā ‘свирепая’, говорит больше, чем записанное санскритское слово (монг. čandali).

Наряду с именами собственными в значительно меньшем количестве в тексте сутры встречаются «именования» (термин С.Л. Невелевой). Такие слова или словосочетания часто называют эпитетами, хотя на уровне санскрита и те, и другие входят в иногда очень пространные списки самостоятельных имен, каждым из которых можно называть одного и того же персонажа повествования (или референта), преследуя художественные цели. Эпитет в данном случае термин менее удачный, главным образом, потому, что эпитет употребляется при имени референта, тогда как данные словосочетания можно употреблять вместо имени. Однако в случаях употребления при имени говорить об эпитете более привычно. Списки именований входят в специальные словари, созданные на санскрите, из которых одним из самых знаменитых является словарь «Амаракоша», написанный Амарасимхой не позже 8 века.

Больше всего именований в тексте Сутры принадлежит буддам или Будде. Одинаковые, хорошо известные эпитеты сопровождают как имена различных будд, так и Будду Шакьюни. Эти же слова часто приводятся в качестве стандартных иллюстраций отличий терминологии, введенной Зая-пандитой, от монгольской:

ойр. ilayun tögüsün üleqsen # tögünčilen boluqsan # dayini darun # sayitur dousuqsan burxan
монг. ilaju tegüs nögčigsen # tegünčilen iregsen # ayay-qa tegimlig # üneger toyoloysan burqan
тиб. bcom ldan ‘das # de bzhin gshegs pa # dgra bcom pa # yang dag par rdzogs pa’i sangs rgyas
‘Бхагаван # Татхагата # Архат # Полностью совершенный будда’

Здесь они собраны вместе, но могут встречаться и по отдельности, как при имени референта, так и без него. В ойратском тексте Бхагаван передается двумя вариантами (второй, более короткий – ilayun tögüsüqsen), для перевода одного и того же тибетского слова. Именно так чаще всего именуется Будда в тексте Сутры, когда к нему обращаются с вопросом, или когда он дает ответ. К буддам относятся еще следующие именования: Махатман (ойр. yeke boqdo, монг. yeke boyda, тиб. bdag nyid chen po), Высший среди существ (ойр. xoyor költöni dēdū, монг. qoyar költēn-ü degedū, тиб. rkang gnyis dam pa), Муниндра (ойр. čidaqči erketü, монг. čidayčīn-u erketü, тиб. thub pa’ dbang po).

Еще одно именование – Владыка божеств, относится к Хормусте, т.е. Индре, и возможны его разные варианты и, соответственно, разные переводы на ойратский и монгольский:

ойр. tenggeriyin erketü ‘владыка божеств’
монг. qurmusta ‘Хормуста’
тиб. lha dbang ‘Индра’ (букв. ‘владыка божеств’)

Или другой вариант:

ойр. tenggerineriyin erketü xurmusta (или ойр. tenggeri noyoudiyiyin erketü xurumusta) ‘владыка божеств, Хормуста’
монг. tngri nar-un erketü qurmusta
тиб. lha rnam kyī dbang po brgya byin

Еще один:

ойр. yučin yurban-ni erketü ‘владыка тридцати трех’
монг. qurmusta ‘Хормуста’
тиб. sum cu rtsa gsum dbang ‘владыка тридцати трех’

Очевидно, что в ойратском переводе словом xurmusta переводится только тиб. brgya byin. тогда как в монгольском нет такой прямой зависимости от тибетского. Кроме того, два ойратских варианта (tenggerineriyin и tenggeri noyoudiyiyin) показывают возможность в отдельных случаях нарушения Зая-пандитой выбранного им самим принципа последовательного перевода одного и того же компонента в тибетском (в данном случае тиб. rnam) одинаковым ойратским.

Эсруа, т.е. Брахма сопровождается следующими возможными эпитетами:

ойр. *ülü alзахууин ezen eserün* ‘владыка мира-саха (мира терпения) Эсруа’

монг. *sab lokadadu-yin ejen esrün* (или *sab yirtinčü-yin ejen esrün*)

тиб. *mi mjed kyi bdag po tshangs pa*

В монгольском переводе для названия мира используется полная или частичная запись санскритского слова (санскр. *sāhalokadhātu*), в ойратском – перевод с тибетского.

Еще два эпитета по смыслу совпадают с эпитетом Индры – Владыка божеств:

ойр. *tenggeriyin erkin esrün: tenggeriyin erketü erke örgöjqsön:*

монг. *tngrī nar-un terigülegči: esrün tngrī nar-un erketü:*

тиб. *lha gtso tshangs pa | lha rnam dbang phyug lags |*

В обоих случаях ойратский перевод ближе к тибетскому, чем монгольский, и отличается от перевода эпитета Индры (так же как и тибетские), а монгольский в одном варианте совпадает.

Гора Сумеру называется Хан гор:

ойр. *oulayin xān sümer oula*

монг. *aγulas-un qaγan sümer aγula*

тиб. *gi'i rgyal po gi rab*

Здесь ойратский и монгольский переводы одинаково повторяют тибетский, однако в монгольском возможно добавление эпитета Хан гор в монгольском тексте там, где гора Сумеру в тибетском так не названа:

ойр. *sümer oula metü* ‘подобен горе Сумеру’

монг. *aγulas-un qaγan sümīr aγulan-dur adalı* ‘подобен Хану гор горе Сумеру’

тиб. *gi rab 'dra* ‘подобен горе Сумеру’

В тексте Сутры используются имена, известные еще по индийской мифологии. В одном случае было использовано именование Ганеши – старшего сына Махешвары, известного своей способностью устранять препятствия в пути или в каком-либо начинании, но также и создавать их. В тексте Сутры одно из его именовании (ойр. *buruu uduriduqči* ‘неправильно ведущий’, монг. *buruū uduriduγči id.*, тиб. *log 'dren id.*, санскр. *vināyaka* ‘убирающий прочь (препятствия)’) было присвоено в качестве имени божеству, насылающему различный вред, в составе буддийского пантеона.

В ойратском переводе именовании, также как и в переводе имен, используется буквальный перевод с тибетского, стремление для разных тибетских слов использовать разные ойратские. Тогда как в монгольском переводе (в меньшей степени, чем для имен) используется запись санскритских слов и замена именовании на имена. Также в монгольском переводе заметна меньшая зависимость от тибетского текста.

Список участников конференции

Алексеев Кирилл Всеволодович

Старший преподаватель кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. Санкт-Петербург, Россия.

kvalexeev@gmail.com

Бойкова Елена Владимировна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института Востоковедения РАН. Москва, Россия.

e.boykova@hotmail.com

Валеев Рамиль Миргасимович

Доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением «Институт востоковедение» Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета. Казань, Россия.

valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна

Кандидат педагогических наук, доцент Казанского государственного института культуры.

Дугаров Баир Сономович

Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, Россия.

khairkhan@mail.ru

Зайцев Вячеслав Петрович

научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

sldr76@gmail.com

Зорин Александр Валерьевич

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

kawi@yandex.ru

Кантор Елена Алексеевна

аспирант Института восточных рукописей РАН, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного музей-института семьи Рерихов. Санкт-Петербург, Россия.

el.kantor@yandex.ru

Кульганек Ирина Владимировна

Доктор филологических наук, заведующий сектором Центральной Азии, главный научный сотрудник Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

kulgan@inbox.ru

Мандрик Мария Вячеславовна

Кандидат исторических наук, заведующий отделом обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов Санкт-Петербургского филиала архива РАН. Санкт-Петербург, Россия.

mmandrik@mail.ru

Захарова Ирина Михайловна

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург, Россия.

zakharovairina@mail.ru

Меняев Бадма Викторович

Младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, Республика Калмыкия.

bmeyaev@mail.ru

Мирзаева Саглар Викторовна

Аспирант Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, Республика Калмыкия.

kundgabo@list.ru

Мунцэцэг Энхбат

Кандидат филологических наук. Улан-Батор, Монголия.

ilha_0011@mail.ru

Носов Дмитрий Алексеевич

Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела Центральной Азии Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

dnosov@mail.ru

Пан Татьяна Александровна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник заведомо Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

ptatiana@inbox.ru

Петрова Мария Павловна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

mariap2001@mail.ru

Почекаев Роман Юлианович

Кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Санкт-Петербург, Россия.

ropot@mail.ru

Попов Антон Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.
andreev-aleksandr-2014@mail.ru; orient@spbu.ru.

Минибаева Лилия Сахавовна

Научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения АН Татарстана.

Сизова Алла Алексеевна

Младший научный сотрудник Отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
al.la.sizova@yandex.ru

Скрынникова Татьяна Дмитриевна

Доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
skryta999@mail.ru

Селюнина Дарья Дмитриевна

Студент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург, Россия.
nyakokos@gmail.com

Туранская Анна Александровна

Внештатный сотрудник Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
turanskaya@mail.ru

Уртнасан Даваажав

Ph.D, научный сотрудник Института языка и литературы Монгольской академии наук. Улан-Батор, Монголия.
d_urtnasan@yahoo.com

Ямпольская Наталия Васильевна

Ph.D., младший научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
nataliayampolskaya@yandex.ru

Яхонтова Наталия Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
nyakhontova@mail.ru